

1929

159 $\frac{1}{3}$

№ 7

4й-эка.

**ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК**

ВИ СЕРИЯ

ОТДЕЛЕНИЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

423

**BULLETIN DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES
DE L'UNION DES RÉPUBLIQUES SOVIÉTIQUES SOCIALISTES**

VII SÉRIE

CLASSE DES HUMANITÉS

ЛЕНИНГРАД — LENINGRAD
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

423

**ОБРАЗЦЫ НЕ-ИРАНИЗОВАННЫХ (СИНГАРМОНИСТИЧЕСКИХ)
ГОВОРОВ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА**

Е. Д. ПОЛИВАНОВА

(Представлено академиком В. В. Бартольдом в заседании Отделения Гуманитарных Наук
9 ноября 1927 года)

I. ГОВОР ГОРОДА ТУРКЕСТАНА

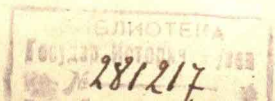
ПРЕДИСЛОВИЕ

Поездка летом 1927 г. в Узбекистан и в северно-узбекский район в пределах Казакстана дала мне возможность установить следующие группы узбекских говоров.

А. Среди иранизованных говоров.

1. Ташкентско-бухарская группа, куда вошли говоры ряда городов:¹ Ташкента, Джизака, Самарканда, Катта-Кургана, Ура-тюбе, Карши — нынешних Бегбуди, и Бухары. Основные особенности: полная утрата лингвально-сингармонистических чередований [в «живых» суффиксах словоизменения и словообразования] и сокращение гласной системы с 9 до 6 фонем, а именно: *i* mutabile, *e* (весьма закрытое), *æ*, *ɔ*, *o* (весьма закрытое), *u* — как в ташкентском; или же: *i*, *e* (тоже весьма закрытое), *a*, *ɔ* (с более устойчивой губной работой, чем в ташк.), *o* (тоже весьма закрытое), *u* — как в самаркандском. Внутри этой, ташкентско-бухарской, группы я выделяю, кроме того, самаркандско-бухарскую подгруппу (куда войдут из числа обследованных мною говоров — самаркандский, каршинский [города Бегбуди], бухарский и до известной степени катта-курганский), противопоставляя ее «ташкентской» и некоторым другим подгруппам. Основные особенности самаркандско-бухарской подгруппы — отсутствие *locativ'a*

¹ Из числа обследованных мною; определить полностью состав и границы этой (как и других) группы мне пока еще не представляется возможным.

(на -dæ | -tæ [в ташкентском]; функции его выполняет *dativus-locativu* на -gæ | -kæ | -qæ), преобладание случаев а ← тур. *а в то время как ташкентский (и до известной степени джизакский) имеет о ← тур. *а [напр. самарк. bala «ребенок» || ташк. bələ — из *ba:la¹], и наконец сохранение гласного и в тех случаях, где ташкентский (и джизакский) имеют i_m ← *и [напр. самарк. хотун «жена» || ташк. и джиз. хотин = хот¹и].

2. Группа переходных ферганских говоров. Термин «переходный» я употребляю здесь с целью отметить промежуточную стадию в процессе утраты сингармонистических явлений, на которой стоят данные говоры по сравнению с ташкентско-бухарской группой. Внутри этих переходных ферганских говоров я выделяю андижано-кокандскую и несколько других подгрупп. Характерной особенностью андижано-кокандской группы я считаю наличие 3 фонем: æ, а, о — в соответствии двум ташкентским (æ, о) или самаркандским (а, о) фонемам [напр. в андижанском слове *эгзæп-гақ* «подешевле» — ср. самарк. *егзеп-гэқ*]. В связи с этим гласная система составляет *minimum* из 7 фонем [как в говоре города Коканда: 1 *mutabile*, е, æ, а, о, и (причем в фонеме о совпали *о и *ø; таким образом, слова *øt «пройди мимо! минуи!» и *ot «трава» стали гомонимами: кокандск. ot). Равным образом в кокандск. фонеме и совпали *и и *у: *иç «лети!» и *уç «три» в кокандском совпали в форме иç]. Если же различие о — ø, и — у сохраняется (как в некоторых из прилежащих к Коканду кышлаков, где øt — «пройди мимо!», ot — «трава» и «огонь», иç — «лети!», уç — «три»), то число гласных фонем доходит до 9 (i_m, е, æ, а, о, ø, и, у).² Кроме того в ряде кышлачных говоров этой подгруппы сохраняются еще и некоторые сингармонистические чередования суффиксов (исчезнувшие уже в андижанском и кокандском, где из двух сингармонистических дублетов [напр. *-Ban/-gæp participii praeteriti, *-da/-dæ locativi, *-raq/-ræk усилительной степени] сохранился только один [именно: -gæp, -dæ, -raq]).³

Б. Среди не-иризованных (и потому сохранивших сингармонистический характер) говоров.

¹ Ср. ура-тюб. bælo (как и qægə «черный» ← *qara); в иканском же — ba:la (как и в туркменском языке).

² В андижанском же пара полуузких гласных о — ø сохранилась на своих местах (ot — «трава», øt — «пройди мимо!» øz — «сам» и т. д.), а узкие *и — у в большинстве позиций совпали в одной фонеме и (иç «лети!» и «три»), но в словах иг («бей!»), и, би, бир, риг имеется, повидимому, звукопредставление и, отличное от и.

³ Фонема о в суффиксах не встречается (в противоположность ташкентско-бухарской группе; ср. ташк. -гэқ).

1. Так называемую «кыпчакскую» или «собственно-узбекскую» группу, к которой принадлежит большинство говоров сельского населения Узбекистана (в том числе все полукочевые узбеки). Обладая в полной мере лингвально-сингармонистическими чередованиями (напр. at-lar «лошади» žigit-lar «джигиты») и лабиально-сингармонистическим чередованием узких гласных (напр. qoʻl-u-ni «его руку», at-sh-ni «его лошадь» — accusat.), эта группа имеет в то же время столь отличные от прочих групп (и в частности от городских говоров ташкентско-бухарской группы) особенности, что ее следовало бы отнести уже не к юговосточной, а к северо-западной группе турецких языков (по классификации А. Н. Самойловича). Укажу, например, 1) $\text{ç} \leftarrow \text{ğ}$ (таç «гора», qoʻղaç «колокол»; ср. ташк. taʃ qoʻղaç^(*)гəç, туркест. taʃ qoʻղaçq); 2) нуль $\leftarrow \text{ğ}$ в положении после ш (и вообще после узкого гласного): sağш «желтый»¹ (ср. ташк. sæŋiç, самарк. saŋiç, туркест. saŋʁq); 3) начальное *j → ž (напр. žedi «он ел»); 4) чередование согласных в суффиксах: -nar (вм. -lar) после носового (напр. adam-nar, taŋ-nar «зори»); -dш (accusat.) и -dшŋ (genitiv.) после r l z, -tш и -tшŋ после глухих; 5) замена x через ç, присущая ряду говоров этой категории (главным образом в пунктах, удаленных и мало связанных с городами; ср. то же явление в казакском языке) и т. д.

В качестве типичного представителя этой группы я останавливаюсь на кыркском говоре (— рода Кырк قرق, в нескольких верстах от станции Ростовцево). [Индивидуальные фонетические особенности этого говора: дифтонгизация начальных полуузких — ¹et «мясо», ^ʔoç «сам», ^oon «десять», — и дифтонгизация i в известной позиции: pⁱt «вошь», i^t «собака».]

2. «Не-туркменизованные (т. е. не обнаруживающие признаков «юго-западной» группы турецких языков) северно-узбекские» говоры, — в Туркестанском и Чимкентском районах [кроме Иканского (i:qan) и Кара-Булакского (qara-buʔaq)]. Образцом для меня служит говор города Туркестана (tyrkistæn в местном произношении), а из говоров Чимкентского уезда — Манкентский (хотя он и обладает одной замечательной фонетиче-

¹ В казак-найманском, который также относится к этой [«кыпчакской» или «собственно-узбекской»] группе, но ввиду близости к г. Самарканду (всего 3—4 км от станции Самарканд) подвергся некоторому влиянию иранизованного городского говора, вместо saŋш говорят soŋш; фонема ç (городского происхождения) обычно заменяет здесь *a в первых слогах (напр. žəman вм. žaman «плохой» [ср. самарк. jəməŋ, ташк. jəmən, туркест. jaman], ət-lar «лошади» [ср. самарк. ət-lar, ташк. ət-lær, туркест. at-lar], и т. д.).

ской чертой, роднящей его с «туркменизованными» и в частности с его соседом — кара-булакским, — именно сохранением гласных долгот).

Из не-иранизованных (сингармонистических) эти говоры наиболее близки к «ташкентской» подгруппе, отличаясь от последней главным образом именно наличием сингармонизма.

3. «Туркменизованные» узбекские говоры: а) иканский в Туркестанском, кара-булакский¹ в Чимкентском уезде и б) хивинский (города Хивы) и некоторые другие говоры Хорезма. Они обладают целым рядом особенностей, свойственных «юго-западной» группе турецких языков (по классификации А. Н. Самойловича), в том числе даже такой, типичной для туркменского языка чертой, как различение долгих и кратких гласных [напр. в хивинском: at «лошадь», a:d «имя»; ot «трава», o:t «огонь»; jaz «пиши!», ja:z «лето»; или в иканском: atuŋ baʃu «голова лошади», a:duŋ baʃu «начало имени»; a:duŋ kumdu? «как твое имя?»; ot «трава», o:t/o:d-«огонь», o:duŋ «дрова»; jaz «пиши!», ja:z «лето»; a:dam-nar «люди»; bar «иди!», ba:r «есть», ba:-na jo:q-na «есть или нет?»; a:ʃ «голодный», a:ʃ-ma «я голоден», a:ʃ-eke(n) «был голоден»; aɣuq «худой», a:ɣuq «арык»; kø:k «зеленый, синий», intensiv. — kø:mkø:k, kø:g-ot «зеленая трава»; aʃxa:na «столовая», me:maŋxa:na «гостиная», me:gar «мираб — перс. «میراب»»; se:l-gine «чуть-чуть»; tu:z «соль»; ky:z «осень», ty:ʃ «сновидение»; qw:z «дочь»; berdi:dim экв. туркест. bergæn edim بېرگەن ئېدىم, ti:rik «живой»].

Если не говорить о некоторых необследованных мною районах (Наманганско-Чартагском и Сурхан-Дарьинском), то все говоры узбекского языка, мне кажется, возможно расположить по вышеуказанным пяти основным группам. Моей ближайшей задачей я считаю опубликование описаний говоров, способных служить образцами для каждой группы и подгруппы. Первыми шагами в этом направлении являются: 1) нижеследующее краткое описание туркестанского говора, 2) описание (и словарь) самаркандского говора (в качестве образца самаркандско-бухарской подгруппы), совместно со смежными ему говорами: а) самаркандским таджикским, б) самаркандским эронийским (егэп),² в) казак-найманским (бли-

¹ Кара-булакский говор — это тот же иканский, перенесенный в к. Кара-булак (Чимкентского у., приблизительно в 10 км от ст. Манкент) иканскими выходцами (i:qanʃuq'ами) и подвергшийся еще постороннему влиянию (вероятно со стороны оттарского говора).

² Это — узбекизованный (под влиянием говора г. Самарканда) азербайджанский язык [прим.: егэпı живут главным образом в Багишамальском районе г. Самарканда и прилежащем к нему кышлаке рæпэ́б پەنجاب].

жайший к г. Самарканду представитель «кыпчакской» группы), г) еврейско-таджикским (в еврейской слободке [ныне «Квартал Востока»] г. Самарканда), и некоторыми другими (говоры самаркандских туркмен [племени æ:rθa:ru], самаркандских цыган и некоторых других колоний в Самарканде).

ЗВУКОВАЯ СИСТЕМА ГОВОРА ГОРОДА ТУРКЕСТАНА (tyrkistæn)

Гласные фонемы (9):

Узкие i (см. ниже) y (hfr) Полуузкие e (mfu) ø (mfr) Широкие æ (flu)		ь (см. ниже) u (hbr) o (mbr) a (lbu)
П е р е д н и е ¹		З а д н и е ¹

Согласные фонемы (22):

p پ	b ب	w و	m م	
t ت	s س	š ش	ç چ	n ن
d د	z ز	ج ج	ñ ن	l [l] ل r ر
k ك	j ي			
g گ			ŋ [N] ك	
q ق	x خ	B [g] غ		
	h ه			

Кроме того, лицами религиозно-образованными употребляются еще при чтении Корана, следующие согласные:

f ف	t ط	s ص	θ ث	H ه
	z' ض ²	ð ذ	ð ^w ظ	Q ع

Замечания относительно отдельных фонем

æ и а (— более заднее чем русское а, — нормального турецкого типа «а») не требуют особых замечаний. Укажу лишь, что иканское æ

¹ Деление это (на передние и задние гласные фонемы) имеет здесь, как и во всех сингармонистических говорах, принципиальное (психофонетическое) значение.

² Т. е. латеральное (l-образное), точнее унилатеральное, «эмфатическое» z с сильной, вдобавок, лабиализацией. Ср. N. JUŠMANOV. La correspondance du D'ād arabe au 'Aun agatâen. ДАН-В, 1926, май — июнь, стр. 41—44.

(звук значительно более закрытый, чем туркест. æ) приравнивается туркестанцем к своему æ, почему им легко замечаются специфические иканские формы с ε вм. е (напр. иканское keɫ¹ «приди!» || туркест. kel).

е и о (как и ø) не столь закрыты, как в ташк. и самарк. (где е и о воспринимаются русским слухом в виде «и» и «у»); в Туркестане — это нормальные (ни в коем случае, однако, не «открытые») звуки типов е, о, ø.

Звук у только иногда (напр. в уj «дом»²) выдерживает тот характер, который мы привыкли ассоциировать с символом МФА³ у, — исходя из французского у (= «u»). Часто вместо чистого front (high-front-round) можно услышать mixed-front, причем, однако, — остается совершенно несомненным различие этого звука от соответствующей задней фонемы — u (high-back-round); ср. уѣ «з» и иѣ «лети!» [Во всех «ташкентско-бухарских» говорах, как и анд. и кок., эти слова уже не различаются: самарк. иѣ, и т. д.]

Как у, так и u, способны комбинаторно оглушаться — главным образом в неударенном первом слоге между глухими согласными: tyʃ-mæk, qɯʃ-qa («птице — قوشغا»).

Передняя узкая нелабиализованная фонема (условно обозначаемая мною через i) в большинстве случаев произносится как открытое «i», т. е. — i (в роде немецкого краткого «i» = i в МФА). Закрытый же вариант (соответствующий более или менее, типовому акустическому характеру «i») слышится в положении перед j, напр. в формах negativi praes., где (как и в ташк.) вместо -*ma-j/-*mæ-j- произносится -mij- (= mij): kemijmæn kemijsæn kemijdu...⁴; barmijmæn barmijsæn barmijdu barmijmiz barmijsiz; или в išlijmæn išlijsæn... (ташк. išljmæn..., самарк. išləjman...): jijjsæn (← je-j-sæn) и т. д.

В положении перед r l z, i сильно редуцируется (как и i_m в ташкентском): напр. b^or, b^oz, s^oz, b^ol («знай!»), t^ol и т. д.

В положении между глухими согласными, а также на конце слова [главным образом в формах 3 лица на -ti], где ударение фактически деплацируется на начало слова i обычно (при нормальном темпе речи) оглушается, напр. æjtɯptɯ, pɯʃkæp и т. д. (см. тексты).

¹ Ср. gal (из gel) в самаркандском эронийском.

² В иканском øj, ташк., самарк., карш. (бегбуд.) oј.

³ Международной Фонетической Ассоциации.

⁴ Ср. самарк. ke(l)majdu.

Соответствующая задняя фонема (—ъ в моем обозначении) аналогичным образом в большинстве случаев произносится, как «открытый» звук типа «ы» (ш). В определенном же соседстве — именно после š, č, ž, и в особенности после j (jъŋ, jъŋap), звук этот уклоняется в сторону mixed (но перед глубоко-заднеязычным, напр. в qašъq, qaĵъq характер back сохраняется).

Редукция (перед r, l, z) и оглушение звука ь — в таких же условиях как и для l (напр. q^zr, q^zŋ, q^zz, q^zšŋaq, qaĵ^zrt^z). Отмечу случай оглушения начального ь: ʧssъq «жарко».

Согласные

Отдельные согласные не требуют в большинстве случаев особых замечаний, так как не представляют заметных отличий от других узбекских говоров. Нужно сказать только о тех особенностях консонантизма, которые обусловлены наличием лингвального сингармонизма (отсутствующего в ташкентско-бухарской группе):

Если оставить в стороне сингармонистические пары фонем¹ k — q и g — B [вариант g после язычного смычного], то остальные согласные имеют по 2 варианта — в зависимости от принадлежности данного слова (или данной части слова²) к переднему или заднему ряду (что определяется качеством смежных с данным согласным гласных звуков). Но особенно резко это различие обоих вариантов наблюдается у l|ŋ и ŋ (|N): в задних словах (напр. jъŋ jъŋŋar baŋa baŋaŋar qaĵ^z; ana-ŋ и т. п.) произносится «твердое» ŋ (в роде русского «ль») и глубоко-заднеязычное ŋ = N.

С известными оговорками вариант ŋ можно было бы назвать даже особым звукопредставлением (фонемой) — так как возможно наличие l и ŋ в положении перед одним и тем же гласным (— благодаря существованию «ломанных» [т. е. нарушающих сингармонистический принцип] слов: напр. kuŋaŋ «горшечник» [ср. с другой стороны слоги ŋa, ŋar в baŋaŋar]). Однако, во всех подобных случаях l (не ŋ!) перед задним гласным не является вполне независимой позицией: оно обусловлено наличием предшествующего переднего гласного [таким образом, в «ломаном» слове kuŋaŋ «передний» отрезок состоит из 3 звуков (kuŋ), а «задний» из 2 (aŋ)].

В моей транскрипции [кроме ŋ «твердого»] я отмечаю (но не систематически) следующие комбинаторные вариации согласных:

¹ q и k, B и g — несомненно, фонемы: ср. karxana и qar.

² Так как возможны «ломанные» слова, один отрезок которых оказывается передним, а другой — задним (с лингвально-сингармонистической точки зрения).

1. Смычный вариант (g) фонемы β ġ после n, ŋ: напр. хан-га — дат. пад. «хану», qoŋgraq [= qoŋgraq]; (но tamβa «тамга», tam-βa «на крышу», qaŋ-βan, buz-βan и т. д.).

2. Озвонченное h → ħ в интервокальной позиции (ср. то же явление во всех других говорах).¹

3. Иногда — оглушенный характер конечного звонкого (напр. namaz).

Сингармонизм

«Ломаных» слов довольно много: это, главным образом, заимствования (часто из «ташкентско-бухарской группы») и composita.

Сингармонистические чередования суффиксов носят преимущественно лингвальный (язычный) характер [гласные чередования: ъ/1, а/æ, у/у].

Что касается губного сингармонизма, то чередования этого рода ограничиваются, насколько я мог заметить, узкими гласными: ъ/у, 1/у — и почти исключительно закрытыми слогами: напр.: 1) sьn-dьr-, ur-dur-, bil-dur-, øl-tyr- («убей!»); 2) sьn-dь-m, ur-du-m, bil-d1-m, øl-dy-m; sьndьrdьm² urdurdum bildirdim øltyrdum (1 л. praeter.); 3) sьndьŋ urduŋ bildiŋ øldyŋ yrduŋ («ты дул») sьndьrdьŋ urdurduŋ bildirdiŋ øltyrduŋ (2 л. praeter.); 4) sьndьq urduq bildik øldyk yrduk sьndьrdьq urdurduq bildirdik øltyrdyk (4 л. praeter.); в 3 же лице лабиальных гласных (в суффиксе) — нет (так как слог открытый): sьndь urdь bildi øldi yrđi sьndьrdь urdurdь bildirdi øltyrdi [в 5 лице тоже (слог -dь/-d1 — открытый): øltyrdiŋiz, urdьŋьz и т. д.]; 5) ajaβ-ьm qoŋ-um iš-im køz-um; ajaβ-ьŋ qoŋ-uŋ iš-iŋ køz-yŋ (но qoŋ-ь køz-1); 6) aŋ-ьr ur-up ber-ip øl-up ur-up; 7) aŋ-ьš-maq, ur-uš-maq, køg-yl-mæk, køg-yn-mæk; и т. д., и т. д.

Морфологические особенности

Из морфологических отличий от ташкентского укажу главнейшие:

1. Наличие genitiv'a (на -пъŋ/-niŋ), отличного от accusativ'a (на -пъ/-ni); в ташк. же — accusat.-genitiv. на -ni.³

¹ Как и в самарк. таджикском [ср. такое же озвончение ħ в ряде других языков: эстонском и финском, японском (особенно часто в Киото), в монгольских наречиях и т. д.].

² В иканском sundurdum.

³ Как и в самаркандском (-ni), откуда это смешение двух падежных представлений проникает и в самарк. таджикский (accusat.-genitiv. на -ŋ) и в самарк. эронийский (accusat.-genitiv. на -i)

Примечание. В ташкентском, под влиянием школы литературного языка, в последнее время наблюдаются иногда случаи неправильного употребления نَكْ (-nɨ) — в значении accusativi. Происходит этот «обратный морфологический переход», разумеется, в виду отсутствия дифференциации асс. и ген. в живом языке.

2. Ablativ. оканчивается на -dɨn / -dɨn / -tɨn / -tɨn (в ташк. -dæn / -tæn).

3. Progressiv.: keljarɨæn, barjarɨæn (в ташк. ke(l)wætɨæn, bɨrwætɨæn и т. д.).

keljapsæn	barjapsæn
keljaptɨ	barjaptɨ
keljarmɨz	barjarmɨz
keljapsɨz	barjapsɨz (ударение всюду на jar)

4. Dativ. от основ на B имеет суффикс -Ba: taB-Ba, baB-Ba (в ташк. tɨqqæ, bɨqqæ).

5. Словоизменение сингармонистично (напр. uĉ-qan, но ket-kæn; в ташк. uĉkæn ketkæn).

На прочие особенности читатель найдет указания непосредственно в текстах.

ТЕКСТЫ

I. Загадки (jumbaŋ-ɨar)

1. pæspæst tamdɨn qar jaBaŋ. Ответ (jawab): elæk («сито»).

pæst-pæst ← پست-پست «низко-низко»; tam-dɨn — abl. «с крыши» (ташк. tɨm-dæn).

2. qazɨq ystidæ qar turmas. Ответ: t^hxum («яйцо»). qazɨq قازق — «кол». Оглушение (и редукция) u [в tuxum = t^hxum] наблюдается, главным образом, в первом (неударенном) слого, между двумя глухими; то же можно отметить относительно y (напр. в tɨšmæk = t^hšmæk).

3. pækænæ-gɨnæ bojɨ bar qabat-qabat tonɨ bar. Ответ: pɨjaz («лук»).

pækænæ — «низенький», очевидно из pæst-kænæ, boj — «рост».

qabat — «слои», ton — «одежда = халат».

4. ešik arqasɨdâ belɨ baBɨq quɨ jatâdɨ. Ответ: šyurgɨ («метла»).

بېلى باغلق قول «раб связанный по поясице (bel-)

5. uzɨn-dur qɨzɨɨ-dur jarɨq-tur bašɨ

kirâdur [sic!] ĉyâdur kɨzidæ jašɨ. Ответ: dæwætqælæm («чернила и перо»).

Все предикативные формы этой загадки относятся к литературному языку (-dur/-tur после именных основ; kiradur, ёьqadur вм. kirædi, ёьqadъ). Форма kiradur (praesens), кроме того, отклоняется от сингармонистической нормы [в живом языке — kirædi] — ради рифмы с ёьqadur.

jaš-ъ — «его слезы (от ياش)».

6. bir jaγm bar æžærkinæ qujruqarγ gæžækkinae

hæli kelær kørærsiz kylækylæ ølærsiz.

Ответ: ёьjan («скорпион») или еšæк [дело в том, что в г. Туркестане существует «табу» по отношению к имени скорпиона — ёьjan جيان (его нельзя произносить, чтобы не привлечь этим скорпиона); поэтому скорпиона называют вторым именем — еšæк كَبَشَهْكَ, т. е. «ишак, осел»].

æžær-kinæ — «интересенький, забавненький»; gæžæк — «пейс, изогнутая прядь волос»; kylæ-kylæ — удвоенная основа (деепричастие) наст. вр. от kylmæк «смеяться».

2. Пословицы (naql ناول)

1. adamnъη aλasъ ištæ maλnъη aλasъ sγrtta.

«Пестрота (aλa) человека внутри (ištæ вм. ič-tæ — loc. от ič), пестрота животного (maλ) — снаружи (loc. от sγrt)».

2. ač baλa toq baλa-bilaen ojnamiγdъ

toq baλa ač baλanъ oλjamiγdъ.

3. it semirsæ egæsini qarar.

«Если (-sæ) собака пополняет (semir-), то своего хозяина укусит».

4. ašъη haλaλ bosa kočædæ ič.

bosa ← boλ-sa, aš-ъη — «твоя пицца».

5. ištanъ joq tizæsi jγrtъqqa kylædi.

(Ср. в моей «Краткой грамматике узбекского языка, ч. II», Приложение).

6. øзуγæ ehtijat boλ qošnъηnъ oBγъ tutma.

«Смотри за собой, а своего соседа не считай вором».

7. jaB ičkændæ jat jaxšъ

qan ičkændæ qarγndaš.

8. qošnъη oBγъ bo(λ)sa køзуγni jum.

«Если твой сосед вор, ты закрывай глаза».

9. ёьmčъq semirγ, batman bo(λ)mas.

В Туркестане باتمان — 11 пудов. ёьmčъq (ташк. ёumčiq) — «воробей».

10. buzaγnъη jγyγgæni samaχanaBača

samaχana ← saman-χana [سامان — «солома»].

11. В г. Туркестане в ходу также персидская пословица:
 zor-ъ-befydæ mijan meškanæd (زوریهوده میان میشکند).
 «Напрасная сила поясницу ломает» (по узбекски было бы befydæ
 zorʻyq belni sʻndʻrādʻ).
12. jaxšʻ-bosaŋ ašʻŋ jijsæŋ
 jamam-bosaŋ bašʻŋ jijsæŋ.
 jijsæŋ ← je-j-sæŋ (2 лицо praes.: «съешь»), bosaŋ ← boʻ-sa-ŋ.
13. jigʻit bosaŋ er boʻ
 er bomasaŋ jer boʻ.
14. øziŋni er bilsæŋ
 bir-aŋŋ šer bil.
 «Если ты сам себя признаешь мужем (— героем), то другого признавай львом (šer)».
15. sajaq jyrŋæ
 tajaq jijsæŋ.
 «Не будь (букв.: не ходи) распутным, — (а то) палку заслужишь
 (букв.: съешь — jijsæŋ вм. *je-j-sæŋ)».
16. køgræŋæ qarar ajaBʻŋ sun.
 «Смотря по одеялу (køgræ), протягивай (sun) ноги» — точное соответствие русской пословице «По одежке протягивай ножки». køgræ-ŋæ — дат. пад. от køgræ-ŋ «твое одеяло» [ср. тапк. kogræ-ŋ-gæ].
17. byrgægæ ašʻyq qʻʻŋr køgrægæ ot qojma.
 «Сердьясь на блоху, не подожги одеяла».
18. jaxšʻ-bilæŋ jyræŋ jetærsæŋ muratqa
 jaman-bilæŋ jyræŋ qaʻarsæŋ ujatqa.
 (murat — «цель», ujat — «стыд»).
19. jetim gozʻ asrasaŋ aBzʻ-murnʻŋ maj-etæŋ
 jetim baʻa asrasaŋ aBzʻ murnʻŋ qan-etæŋ.
 jetim qozʻ asra-sa-ŋ — «если ты будешь кормить сироту барашка»...
 aBzʻ-ъ-murnʻ-ŋ (дублет aBzʻ-и-murnʻ-ŋ) «рот и нос твой». maj-et-æŋ
 «будет в масле». А если будешь кормить сироту-ребенка, то рот и ноствой
 будут в крови. Смысл тот, что чужое дитя, никогда не станет родным.
20. hæŋ kimiki øzigæ
 aj køŋinæŋ køzigæ.
 «Свое каждому кажется месяцем».
21. søjlægændin søjlægægæn jaxšʻraq
 søjlæg-edin tegdi bašʻma tajaq.

teg-dı или tejdı, tijdi — дублетные формы 3 л. praet. от teg-mæk «касаться». baš-ym-a dativ. с кратким суффиксом (-а вм. -Ba), что имеет место [как и в иканском] после притяжательных суффиксов 1 и 2 лица; ср. ташк. bəšimgə.

3. Анекдот (lætipæ ۱۰۰۰۰۰)

ešæk høkuz tyjæ hæsræt-læšiptı: ešæk der-emiš: dostlar, mæn šu dynja:Ba kelip bir nærsæm kormæstæn armanda ketjatърman. ułar soráртъ: nımæni kormædiŋ deptı. ešæk æjtıptı: šu waxxa-čijın bir ʔssıq nan-ğınanъ qajmaqqa batъrъr jej-áımadъm. høkuz æjtædi: sæniŋ armanъŋ armám-mъ?! mænŋ armanъmnъ ešıt-kıl! mæn šu waxxa-čijın [вм. šu waxtqa-čijın] jaxšъ ʔssıqğna šaıxamšorba ič-aımaj ketjatърman.

tyjæ æjtædi: ekæwiŋniŋ hæm armanъŋ hiš nærsægæ turmıjđъ, mænŋ armanъmnъ ešıtıler! mænŋ armanъm šu waxxačijın jaxšъ ʔssıqğna sandaıBa tørt ajaBъmnъ saır otʔraımastan ketjatърman.

arman — «заветное желание, мечта». šu waxxačijın — экв. ташк. šu wæxt-kæ-čæ [ишак мечтает поесть теплой лепешки, обмакнув ее в сливки; бык — поесть супа из репы, а верблюд — посидеть, положив четыре ноги на теплый сандал].

4. Сказка (ertæk)

bár-ekæn jóB-ekæn áč-ekæn tóB-ekæn bõri bækaewyl-ekæn tylki jasawul-ekæn čımcıq čirændaz-ekæn.

bir qarBa-bilæn bir qozъ bar-ekæn. jırup jırup ekæwi dostъ boptъ. qarBa qozъčaqqa qarar: «dostъ dostъ deptı, qıjuruBъndъn bir čoqt-čъ» deptı qozъ «tumšuBъŋ haram. barъr darjadъn juwup-ke» deptı. qarBa darjaBa barъrtъ.

«darja darja, beriŋ suw, juwaj tumšuq, qozъčaq čoqur, boıaj semiz» deptı.

darja æjtıptı: «suw berædigæn idişim joq, kylaldъn barъr kōzæ arke» deptı. qarBa kyıaıBa barъrtъ «kulaıčъ-ækæ, beriŋ kōzæ, aıaj suw, juwaj tumšuq, qozъčaq čoqur, boıaj semiz» deptı.

kyıaı «tæjjar kōzæm joq. saBčъdъn barъr saB aır-ke» deptı. qarBa saBčъBa barъrtъ.

«saBčъækæ, beriŋ saB, appʔraj kyıal, qıısъn kōzæ, aıaj suw, juwaj tumšuq, qozъčaq čoqur boıaj semiz» deptı.

saBčъ «kijik šaxъ [или kijek mygyzi] arke» deptı. qarBa kijekciğæ barъrtъ.

«kijikči-ækæ, berin šax, ałaj saB, app^araj kylał, [qʰɨsɨn kʊzæ, ałaj suw, juwaj tumšuq, qozʰčaq čoqur, bołaj semiz» depti.

kijikči æjtıptı (дублет æjtıptı): «kijiklær syt ičmæsæ šax bermıjdi. sytčidin barɣr, syt arke» depti.

qarBa sytčigæ (дублет sytčigæ) barɣrtɕ. «sytcı-ækæ, berin syt, issin (вместо ič-sin) kijik, bersin šax, ałaj saB, app^araj kylał, qʰɨsɨn kʊzæ, ałaj suw, juwaj tumšuq, qozʰčaq čoqur, bołaj semiz» depti.

sytcı (в быстр. речи sytcı) «sıjırlær rıčæn jemæsæ syt bermıjdi» depti. qarBa rıčænčigæ barɣrtɕ.

«rıčænčı-ækæ, berin rıčæn, jesin sıjır, bersin syt, ičsin (дублет issin) kijik, bersin šax, ałaj saB, app^araj kylał, qʰɨsɨn kʊzæ, ałaj suw, juwaj tumšuq, qozʰčaq čoqur, bołaj semiz» depti.

rıčænčı æjtıptı: «oraq joq oraq arke» depti «orup beræmæn» depti. qarBa oraqčɕBa barɣrtɕ.

«oraqčɕ-ækæ, berin oraq, ałaj rıčæn, jesin sıjır, bersin syt, issin kijik, bersin šax, ałaj saB, app^araj kylał, qʰɨsɨn kʊzæ, ałaj suw, juwaj tumšuq, qozʰčaq čoqur, bołaj semiz» depti.

«tæjjar oraq joq» depti «kømyrčidin barɣr kømyr arke» depti. qarBa kømyrčigæ barɣrtɕ.

«kømyrčı-ækæ, berin kømyr, app^araj usta, qʰɨsɨn oraq, ałaj rıčæn, jesin sıjır, bersin syt, issin kijik, bersin šax, ałaj saB, app^araj kylał, qʰɨsɨn kʊzæ, ałaj suw, juwaj tumšuq, qozʰčaq čoqur, bołaj semiz» depti.

kømyrčı bir xałta kømyr berıptı. kømyrını ičidæ bir dana čoq bär-ekæn. kømyrın qarBa arqałar baratqan-ekæn [вместо barajatqan-ekæn]. hæligi čoqtın kømyr ot ałır ketır qarBa kujur øłır qartɕ (← *qałrtɕ).

Начало — обычная присказка [ср. в Ташкенте: bɔr-ekæn joq-ekæn (или joB-ækæn) əč-ekæn toq-ekæn borı bækäwul-ekæn... и т. д.; в Икане: ba:r-εke jo:B-εke a:ž-εke toB-εke... и т. д.]. čımčıq — ташк. čımčıq («воробей»). čıgændaz — в ташк. присказке čæqımcı («ябедник»). I в jasawul-ekæn (вместо X, как в jasawıl) под влиянием следующего e. qozʰ, qozʰ-čaq — «барашек». jıgur jıgur — букв.: «ходили ходили и...». dostɕ boptɕ (ср. ташк. boptı ← *boluptı) «подружились». qann-ɨm — «мое брюхо»: из *qanp-ɨm (от qarɨn).

čoqt «дай клюнуть!», čoqt-čɕ «дай-ка клюнуть» (-čı/-čɕ экв. русск. -ка), qujıruB-ɨŋ-dɨn — abl. «из твоего курдюка».

haɣam (|| ташк. хәгәм, самарк. һагәм — *حەرَام*; в казакском ағам) — «поганый, нечистый».

г в *daɣja* под влиянием след. j приближается к «полу-мягкому» (намек на «полу-мягкость» слышится также в z слова *pæjzæ* — под влиянием предшествующего j).

kuɫaɫ или *kuɫaɫ-ɕi* «горшечник». *saɪʃ-ɕʰ* — букв. «глинщик» (от *saɪʃ* «глина»); не надо смешивать с *saɕʰ* «сторож» (которое в туркест., впрочем, неупотребительно). *арке* ← *aɫ-ʔr-kel* (ср. ташк. *эрке*). *аррагај* (произносится *arr^hraј*) ← *aɫ-ʔb* — *bar-aj* (1 л. conjunctivi): «отнесу». *туғуз* — синоним *šax* «рог». *kijik* (русское ухо в быстрой речи слышит просто «кик») — «олень». *рйәән* — «сено». *аррагај уста*; *аррагај куɫaɫ* — «отнесу к мастеру», «отнесу к горшечнику» — вместо . . . *usta-ʔa*, . . . *kuɫaɫʔa*. *čoq* — «огонек» (горящий еще уголь). *dana* — «штука» (ташк. *dənæ*). *кујур øлур қартъ* — «сгорела».

Сказка рассказывается метрически: *berɪŋ kɵmυɣ / arr^hraј usta / qʔɫɫɫɫɫ oɣaɣ / aɫaј rjæən / jesm sɪjɪr / bersm syt* и т. д.; при этом односложные слова (*šax*, *saɪʃ*, *suw*) произносятся с удлинённой гласной, что делает их количественно адекватными с *sɪjɪr*, *kijik*, *kuɫaɫ*, *kɵzæ*, *tumšuq*, *čoqur*, *semiz*.

В *semiz* гласный *i* (согласно вышеуказанному — по поводу фонемы *i*) редуцируется: *sem^oz*.

5. Песни (*ләрәг* *لەرەر*)

1. *ɕit romaɫʔm xasa-ja*
qoɫʔmda ɕm kasæ-ja
qʔzɫar læpær æjtkændæ
jigitlær tʔɫap tursa-ja.

-ja не имеет значения — припев. Предполагается, что текст этого *ләрәг*'а произносит пожилая женщина — лицо нейтральное (*xasa*) между девушками и джигитами. *ɕm* — ташк. *ɕmm* «фарфоровый». *tʔɫa-maq* «слушать».

2. *boza ištɪm* (вм. *بۆتۈم*) *bašqa ɕʔqtʔ xumaɣʔ*
jaɣ qoɫʔmda qaɫdʔ mojnʔm tumaɣʔ
baraј desæm heɕ bæhanæ tapmadʔm
xur bæhanæ boɫdʔ mojnʔm tumaɣʔ.

heɕ — литературная форма (вм. *hiš*).

3. bozanъ ičkæn saǰʷn kæǰf-etædyr
 . bærčæni birdik jaratsaŋ netædyr
 bærčægæ qonur øtkæn dæwlætlaeriŋ
 bizgæ-hæm (дублет -jæm) tyšlæniр øtsæ netædyr?!

Последние 3 строки — обращение (вопрос) к богу. netædyr (вм. ni-mæ-etædyr) и -etædyr — литературные формы 3 л. praes. (вм. -etædi).

4. bælənd bælənd tæpædæ quš økturur
 joqčʷlʷq bašʷŋda kyɾpæt kelygyr
 joq boɾup aBajʷŋda xor boɾbučʷ
 taBdaBʷ arʷsʷan boɾaj ta ølgyčæ.

arʷsʷan — «лев» (ташк. ærsløn). ta (ʷ) øl-gy-čæ «до смерти». Формам буд. вр. на -ur/-yr (ср. ниже в 9-й песне) в живой речи соответствуют окончания -ar/-æg.

5. buxaraŋŋ aǰʷanašʷ mišl kyɾ
 jeBʷaj jeBʷaj jaqalaŋʷm boɾdʷ høl
 pærzæntlikniŋ yǰin køršæŋ mišl gyl
 pærzæntsizniŋ yǰin køršæŋ mišl čøl.

mišl- — арабск. ميشل: «Окрестности Бухары похожи на пепел...»
 и т. д.

6. baBʷa kirsæm baBʷ šamaɫ-dur kakilimni jazádur
 yǰgæ kirsæm øgæj anam jyrægimmi ezædyr
 jyrægim čæjdøšmidʷ? čajlar saɫʷp qajnatqaɫʷ
 awazʷm bulbulmʷdʷ? sæfiær turup sajratqaɫʷ

čæjdøš — старинный сосуд для варки чая (когда еще не было самоваров). sajrat-maq «заставлять петь». jazadur и ezædyr — литературные формы (вм. jazádʷ, ezædi).

7. qʷzlar-žan qʷrBa qojádur bøzimi
 sæwdægærgæ køršætædyr øzimi
 sæwdægær sæwdægæ čʷqtʷ maɫ yčyn
 qʷzlaržan šæjdafi boɾdʷ jar yčyn.

bøz — «бязь». قرغا (qʷr-Ba) — потому что раньше местом торговли была قر. qojadur, køršætædyr — вместо qojádʷ, køršætædi (ср. самарк. qojadu, korsatadu).

8. poʃat næjzæ¹ tɪʙʲ (или тʲɪʙʲ) jerdæ jatʲar-mu?
 məert jigit na-məertkæ sʲɪrɪn æjtʲar-my?
 səpar (سەپار) qʲɪsɑŋ bɪr məert-bilæn qʲɪ səpar
 øzi ølmæj səni taʃʲap ketʲar-my?

poʃat næjzæ tɪʙʲ-ʲ — «наконечник стальной пики»; слово tɪʙʲ имеет также сингармонистический дублет тʲɪʙʲ (из четырех опрошенных мною туркестанцев двое [молодые] произносят tɪʙʲ, а двое других [в том числе старик] — тʲɪʙʲ; пятый же ответил, что некоторые говорят tɪʙʲ, а другие тʲɪʙʲ). «... достойный (məert) йигит недостойному (na-məert-kæ) разве скажет свою тайну (sʲɪrɪ)? Если делаешь поездку, с достойным делай поездку [— поезжай!]! Пока он не умрет, разве он тебя бросит?!».

9. zəbaxan atʲandʲ ketti saj-bilæn
 qoʃʲda čini piʲaʲa baʲ-bilæn
 činmi nadanga bermæ — sʲɪndʲɪrur
 bewəra jɑr qɑʃan køŋlʲyŋ tʲɪndʲɪrur.

II. ФОНЕТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ГОВОРА КЫШЛАКА ИКАН

(Туркестанский уезд)

Кроме «северно-узбекской не-туркменизованной группы» (образцом которой служит у меня говор города Туркестана) и «собственно-узбекской», или «кышчакской» группы (к которой принадлежит большинство кышлачных говоров Узбекистана) в составе *сингармонистической*, или *не-иранизованной* половины узбекских говоров приходится выделять еще небольшую, но в высшей степени интересную группу, обладающую рядом особенностей, типичных для «югозападной, или туркменской»² группы турецких языков, и потому условно называемую мною «*туркменизованной* сингармонистической группой»;³ если же пользоваться при классификации племенными терминами, то к ней подойдет наименование «огузской группы».

¹ О некотором «смягчении» Z в næjzæ см. выше.

² По классификации А. Н. Самойловича.

³ В итоге оказывается, что в составе сингармонистической (не-иранизованной) половины узбекских диалектов окажутся представители трех различных групп турецких языков: 1) северно-узбекские не-иранизованные говоры (Чимкентского и Туркестанского уу. — кроме кышлаков Кара-булака, Икана и Ибата), как, с другой стороны, и несингармонистическая «ташкентско (-самаркандско)-бухарская (городская) группа» и «переходные [в смысле не столь радикально (как в «ташкентско-бухарской») проведенной ликвидации сингармонизма] ферганские говоры» (с «андижано-кокандской» и др. подгруппами), и наконец самостоятельная, может быть, «наманганско-чартагская группа» (которую я, в настоящей стадии моих

Сплошной, более или менее широкой территорией эта группа, насколько мне известно, не обладает и состав ее сводится к следующим единичным говорам:

А. В северо-узбекском районе в пределах нынешней Казакской ССР:

1. Говор кышлака Икан (قان по казакской орфографии 1924 г.) Туркестанского у. и кышлака Ибата (Ибадулла-ата), или так называемого Нового Икана (в 25 км от Икана, где находятся лучшие, наиболее орошаемые земельные участки иканцев и куда успела выселиться значительная часть иканского населения).

2. Говор кышлака Кара-булак Чимкентского у. (в 12 км от ст. Манкент); кара-булакский говор во многом является непосредственной копией иканского, так как население Кара-булака в значительной степени состоит из «икан-лык'ов», т. е. старых выходцев из Икана. Но кроме иканского сказывается влияние и другого говора, повидимому, отрарского (ибо кроме «икан-лык'ов» в составе карабулакского населения есть и «отрар-лык'и»).

Примечание. Говор кышлака Манкента (mænkæt), несмотря на весьма небольшое расстояние от Кара-булака, отличается от кара-булакского настолько, что его надо относить к «не-туркменизованным» — несмотря на наличие гласных долгот; с другой стороны и от «не-туркменизованных» и от кара-булакского он отличается некоторыми индивидуальными особенностями (в частности спорадическими случаями æ вместо а: jæz «пиши!», æwærgæ || иканск. awaга || туркест. arba || самарк. aɣawɔ «арба»).

Б. В пределах б. эмирства Бухарского: по сообщению муллы Султано́ва (имама мечети Шах-Мардон в г. Туркестане) выходцы из Икана поселились также в одном из кышлаков в пределах Бухары (кышлак Карахан?), куда они бежали от притеснений во времена Калмак-хана Кокандского. Проверить это сообщение, а тем более познакомиться с говором этой колонии мне не представилось возможным.

диалектологических обследований, еще не могу включать в число обследованных), отходят к «юговосточной, или чжагатайской группе» турецкого языкового мира; 2) «собственно-узбекские», или «кыпчакские» говоры (образцом чистого вида которых служит у меня кыркский, а образцом, подвергшимся некоторому влиянию городской речи — казак-найманский) нужно причислить к «северозападной группе турецких языков» на основании ряда признаков, общих с казакским языком (напр. тац, qoŋtaц, saɣu [казак-найм. sɔɣu] — ср. самарк. tɔB, qoŋ(u)rɔq, sɔriq); и наконец 3) «туркменизованная» группа (иканский, карабулакский, хивинский) может быть сближаема с «юго-западной, или туркменской группой турецких языков», в частности с туркменским языком.

В. В Хорезме:

1. Говор города Хивы; отличаясь своеобразными особенностями (и в частности ббльшей близостью к туркменскому языку) от иканского, этот говор, тем не менее, обладает всеми основными признаками, на основании которых мною выделяется данная «туркменизованная» группа (в том числе и различием долгих и кратких гласных).¹

2. По слухам, сходными (с хивинским) особенностями обладают и некоторые другие *городские*, а также и кышлячные говоры Хорезма; но проехать в Хорезм мне не удалось, и проверка этих сообщений — для меня дело будущего.

Из сказанного ясно, что для характеристики всей данной («туркменизованной») группы нужно прежде всего дать описание иканского,² а затем хивинского говоров. Здесь я довольствуюсь элементарным очерком иканской фонетической системы, рассчитывая впоследствии опубликовать и тексты.

Вокализм

Гласная система по числу *качественно-различных* звукопредставлений (9) совпадает с системой говора г. Туркестана, но отличается от последней, как качественной характеристикой некоторых отдельных фонем (напр. иканск. ϵ || туркест. æ), так и главным образом наличием парных *количественных* категорий, куда входят все упомянутые 9 гласных; именно:

Краткие	i	e	ε	y	ø	ш	а	и	о
Долгие	i:	e:	ε:	y:	ø:	ш:	а:	и:	о:
	Передние					Задние			

Итого, следовательно, 18 принципиально отличных гласных звукопредставлений (ср. 16 туркменских фонем: i, i:, e, æ:, y, y:, ø, ø:, ш, ш: [= ш], а, а:, и, и:, о, о:).

Привожу примеры на краткий и долгий гласный каждой пары.

¹ Ср. напр. хивинск., иканск. и кара-булакск. ja:z «лето» (туркм. ja:ð) и jaz «пиши!» (туркм. jað). [В остальных группах узбекских говоров эти слова не различаются: ташк., самарк., кокандск. jɔz, кыркск. žaz, туркест. jaz.]

² Что же касается кара-булакского, то ему посвящено было зачетное сочинение К. К. Юдахина, представленное в 1925 г. в восточный факультет Ср.-Аз. Гос. университета, и его превосходная работа в Сборнике в честь академика В. В. Бартольда.

it «собака», i:qan назв. кышлака Икан (в говоре г. Туркестана — ʔqan), keldi:dim 1 л. сложного прошедшего — экв. ташк. kelgæn edim كېلگەن تېم, ti:rik «живой» (тоже в Манкенте и Кара-булаке).

et¹ «мясо», me:maп «гость», me:ma(n)xa:na «гостиная» (в говоре г. Туркестана mejmaп, mejmaпxana), me:gar (← перс. ميراب «мираб»).

kel «приди!» keldiler «они пришли», kel «плешивый» [в прочих говорах «приди!» и «плешивый» различаются: ташк. kel «приди!», kæl «плешивый»; открытый гласный в основе «приди!», кроме иканск. и карабулакск., встретился мне только в самаркандском эронийском² — gal], se:l-gine «чутьочку, немножко».

kym «кто?», a:dʃŋ kymdy? «как твое имя?», kyз «осень», jyz «лицо», «100»; kyp «день», «солнце»; syjgæn «любивший», «он любил» (← *sew-gæn; ср. осм. sew-), yš «три» [ср. ташк. самарк. üč (= üč), туркест. уč, кок. андиг. üč (но в некоторых кокандских кышлаках, напр. в Юл-гузоре — уč); кыркск. и казак-найм. уč; переход конечн. *č → иканск. š (resp. *ž → č → š) может считаться нормальным],³ jyg «иди!» [иногда произносится — под влиянием окружающей Икан казакской речи — žyg (напр. jyg dost! или žyg dost! «иди, друг!»); ташк. самарк. jyg, туркест. jyg, кыркск. žyg; казакск. جور žyg].

ty:š «сон = сновидение», напр. ty:š kərdym «я видел сон» [но *tyš- (с *y кратким) дало в иканском tiš-, напр. pojʔz-dun tištım «я слез с поезда» (ср. ташк. čuštım)].

oʃ «дом» (в туркест. uʃ, ташк. самарк. oʃ, казак-найм. uʃ, анд. кок. üj, каршинск. oʃ, джизакск. uʃ = üj).

tø:t «четыре» (ташк. tort/tor, туркест. tørt), kø:k «синий», kø:mkø:k intensiv. «синий-синий», kø:g-ot «зеленая трава».

¹ В кыркском (как и в некоторых других из «собственно-узбекской» группы) — ¹et, т. е. с дифтонгизацией, которой подвержены все начальные полуузкие (ср. ²ot «трава», ²øz «сам»). [Ср. наблюдение Радлова о дифтонгизации начального е в казакском; тут прибавляется, значит, еще один признак, сближающий «собственно-узбекские» с казакским языком.] В прочих группах et, кроме самарк. эронийского, где et или æt.

² Самаркандский эронийский (т. е. говор так называемых егані ڈېرانی — букв. «иранцев», живущих в Богیشамальской части г. Самарканда и в прилегающем к ней кышлаке Панджаб) — это не что иное, как узбекизованный азербайджанский язык. Этим объясняется и начальное g в gal; с другой стороны и широкий гласный (вместо e) ведет здесь свое происхождение из «югозападной группы турецких языков», из которой нам приходится объяснять и наличие ε (вместо e) в иканско-кара-булакском kel.

³ Ср. иканск. (и кара-булакск.) a:š «голодный» (но a:ž-εkən), iš-qorʔan в. ڈېچ قورغان «внутренний курган, — кремль», aš «открой!»

ш краткое — напр. в а:гуш «арык», а:гуш-туш čuqtu «он вышел из арыка», аšха:naduш čuqtu «он вышел из столовой».

ш: долгое — qu:z «дочь» (ср. туркм. qu:ð = quð; равным образом и иканско-карабулакское ш: долгое осуществляется в качестве неоднородного — полифонического гласного; в ташк. qiz = q^z, туркест. q^z, самарк. qiz = qiz).

bardu:dim — экв. ташк. bərgæn edim بارغان بېرىم.

а и а: долгое:

агуш «худой, тощий», мен агуш сенем агуше «я худ, ты тоже худ»; а:гуш «арык».¹

ат «лошадь», атуш bašu «голова лошади» [ташк. otu boši, казак-найм. ottuη boši, кыркк. attuη bašu, самарк. эронийск. оти boši]; сен муштуB ат «ты стреляй из ружья»; а:d «имя»,² а:душ bašu «начало имени», а:душ kymdu «как твое имя?» [В «ташк.-бухарской» и всех остальных группах все 3 слова: «лошадь», «стреляй», «имя» являются гомонимами: ташк., самарк., казак.-найман. ot, турк., кыркк. at.]

Ба:z «гусь» (ср. хивинск. и кара-булакск. Ba:z, туркм. ga:ð, як. «qa:s» и т. д.) [ташк. самарк. Bəz, туркест., кыркк. Bəz], бар «сиди!» (турк. bar), ба:r/ba:- «есть, наличие», напр.: o:čaqa o:d bá:na jó:qna «в очаге огонь есть или нет?», qa:n «кровь», qa:r «снег», ta:š «камень» [ср. ДАН-В, 1927, № 7, стр. 151].

¹ Ср. противоположение этих слов («худой» — «арык») в некоторых других говорах:

	«худой, тощий»	«арык»
Ташкентск.	əriB	æriB [i = 1 mutabile]
Самаркандск.	əriq	æriB » »
Джизакск.	əriq	æriq » »
Каршинск.	əriB	æriB » »
Кокандск.	əriq	æriq » »
Андижанск. и ходжентск.	əriB	æriq » »
Казак-найманск.	əriq	əriq
Кыркк.	əriq	əriq
Туркестанск.	əriq	əriq

И лишь в очень немногих говорах (повидимому в верхне-шерхонском: əriB) эти слова оказываются гомонимами.

² Я не привожу здесь параллелей из других турецких языков, тоже сохранивших общетурецкие долгие гласные (о чем см. ДАН-В, № 7, 1927); замечу, что в 1927 г. я натолкнулся на эти различия (вроде ат «лошадь» — а:d «имя») еще в мешхедском говоре.

mura:t «цель» (ташк. murəd), ср. поговорку:

jaxšw-bilən jyrseŋ jetesən mura:tqa

jamam-bilən jyrseŋ qałasən¹ ujatqa

a:dam «человек» (ташк. ədæm), ta:za «чистый» (ташк. tɔzæ).

ba:ʎa «дитя» (ташк., андиг., верхне-шерхонск. bɔlə, ура-тюб. bælə, самарк., джизакск., каршинск. bəla, туркест. baʎa), ba:ʎaŋ «дети» (ср. андиг. bəllæŋ).

a:q «белый», a:ʎ-it «белая собака».

a:š «голодный», апац a:š «он голоден», qaпшm a:š «мой живот (qaŋш, qaпш ← *qaŋш) голоден, — я голоден» (ср. ešikni aš «открой дверь!»).

wa:da bergən «давший обещание, — он обещал» (ср. самарк. wa'da).

na:n «хлеб» (ташк., самарк. nɔn, туркест. nan).

namaz «намаз» (ташк., анд., кок., джизак. nɔmɔz, самарк., каршинск. namɔz, казак-найм. nɔmaz).

qa:ʎaz «бумага» (ташк., кок., анд. qəʎɔz, самарк., джизак. qəʎaz; дублетная форма kəʎaz), žima:ʎu «муравей».

xuda:qa:zi (в произношении 80-летнего старика почему-то d вм. z: xuda:qa:di) «бог-судья».

assa:ʎam eʎjkuŋ — приветствие السلام عليكم.

ja:r «возлюбленный,-ная».

dewa:na «юродивый» (ташк. dewɔnə).

ʎa:j «грязь», a:j «луна, месяц», ba:j «богач» (но maj «масло», saj «речка») [ташк. lɔj, əj, bɔj, mɔj, sɔj].

qa:ʎun «дыня» (ташк. qəwɪn), ʎa:la «тюльпан», sa:n «число».

Краткие а имеются, наоборот, в следующих словах:

qara «черный» (ташк., кок., анд. qəŋə, джиз. qəŋa, Ура-Тюбе и ходжент. qəŋə, каршинск., катта-кург. qəŋa, казак-найманск. qəŋa; турк. и кыркск. qara), taʎ назв. дерева (ср. русск. *тальник*, тоже происходящее из тур. تال), taŋq «просо», darbuз «арбуз», aʎma «яблоко», poxat «горох» (ташк. nɔxət, самарк. naxot, катта-кург. noxut, карш. nuxut, андиг. poxət, джизакск. poxat), raxta «вата, хлопок», jiʎaš «дерево» (ташк., джиз., андиг., кок. jəʎəš, самарк. jaʎəš), jaʎʎanat «летучая мышь» (экв. самарк. šarəʎak), qanat «крыло» (самарк., джиз. qənət, каршинск. qəpət, андиг. qəpət, ташк., кок. qəpət), ada boʎmas или ada oʎmas «не кончит» [коренной иканский глагол oʎ- «быть» в последнее время сильно вытесняется основой boʎ- — под влиянием туркестанского говора], qaʎam «перо» (ташк.

¹ Вместо разговорного (sɛn) qaʎasa(n).

qælæm), az «мало»; bi atnɨ maŋa be¹ «дай мне одну лошадь» (самарк. biŋ ztni maŋa ber), aqʃanɨ qoʃuma be «дай деньги в мою руку». [Примечание. Краткая форма суффикса dativi -a/-ε только после m, η притяжательного суффикса: øjime kel «приходи в мой дом», øjiŋε ket «иди (уйди) в твой дом», но øjiŋε bar «ступай в его дом»; аналогичный суффикс -a/-æ (после m, η притяжательного суффикса) характерен и для туркестанского говора: qoʃuma «в мою руку» и т. д.]

и: долгое и и краткое:

tu:z «соль» (туркм. du:ð || якут. tu:s и т. д.), su: «вода» (в прочих группах suw), u:n «мукá», qoʃuŋ u:ʒɨ «острие руки»,² т. е. четыре выставленных вперед пальца с острием в виде конца третьего пальца [ср. ташк. uʃ = üʃ «острие»], tu:t «тутовое дерево».

Наоборот и краткое мы встречаем в следующих, например, словах: tut-tu-m «я держал» (турк. tuttum, самарк. tuttim tuttum), sundurduŋ «ты сломал» (туркест. sɨndɨrdɨŋ, самарк. sindirdiŋ), aruq «худой, тощий», oʃul «сын», oʃlum «мой сын», в суффиксе 3 лица (после губной основы) — oq-u «его стрела, или пуля», qoʃ-u jo:q «у него нет руки»; в основе oqu- «читать» [напр. qani biziŋ oquʃan go:zaʃ-ju-nama:ziɨɨɨz «Где же пост и молитвы нами прочтенные?】 и т. д.

о: долгое и о краткое: jo:l (ср. якут. suol, сев.-кумыкск. juʃ [где и указывает на *o:]), jo:q «нету», o:n «десять» (o:n-tɔ:t «14»), do:zaɨ «ад», o:t/o:d- «огонь», o:dun «дрова», o:ʃaŋta o:dun ba:na jo:qna «в очаге дрова есть или нет?», to:n «халат», go:za «пост» (перс. روزه, самарк. goza), so:rdɨ a:damɨŋ qa:nɨɨɨ «сосал людскую кровь (про насекомых)» [но в soŋa «спроси!» — о краткое]. Случай о краткого напр. в следующем двустипии:

boza iʃtim baʃqa ʃɨqtɨɨ xumaŋɨ

ja:ŋ qoʃnuda qaʃdɨ moʃnum tumaŋɨ («я выпил бузы, в голову вышло похмелье, на лоне возлюбленной остался мой шейный талисман»).

Разница между кратким и долгим гласным довольно ощутительна на слух, и отмечать ее не составило бы особых затруднений, если бы не наличие влияния посторонних говоров (главным образом туркестанского), которое весьма часто сказывается в речи иканцев (постоянно ездящих в г. Туркестан на базар и по прочим делам); поэтому проверять каждое

¹ В быстрой речи возможно и maŋa-we вместо maŋa be; ср. каршинск. maŋa-be, maŋa-we и даже maŋa-we, maŋa-be как и wɔ в. bɔŋ.

² В связи с этим выражением вспоминается индо-европейская этимология числительного «8» — *oktōŋ [объясняемого как dualis от основы, означавшей именно «острие (руки)», т. е. «4 (пальца)»].

слово приходилось по крайней мере у 5—6, а то и 10 лиц, причем только и возможно было изолировать факты «испорченного произношения» отдельных индивидуумов. Само собой разумеется, что в фактах этой метисации (смешения родной речи с туркестанским говором) отразилось и социальное расслоение населения кышлака: лица, находившиеся в постоянном общении с городом (Туркестаном), и в экономическом отношении стоят выше «средняка»; особенно же те, кто занимал административные и общественные должности (напр. председатель Сельхозтоварищества и т. п.), оказались [именно ввиду своих связей с местным центром — Туркестаном] совершенно ненадежными в качестве представителей своего родного говора.¹

В числе особенностей кратких гласных (в отличие от долгих) можно отметить также то, что краткие узкие (i и y) способны оглушаться в положении между глухими согласными (и главным образом не под ударением). Склонность эта (к оглушению, откуда дальше открывается возможность полной нулизации гласного) у иканских узких кратких (i и y) значительно меньше, однако, чем у ташкентского i mutabile (и u): ср. иканск. tiš || ташк. čiš | čš «зуб», иканск. tišler || ташк. čšlær «зубы».

Качественные отличия между долгими и соответствующими краткими, если и существуют, то во всяком случае невелики (меньше, чем в туркменском).² Внимание останавливается лишь на ш: долгом, которое (в частности в слове qш:z) произносится (как и в кара-булакском) в виде неоднородного гласного: шī. Изменение качества наступает здесь, однако, весьма постепенно, и во всяком случае отнюдь не придает гласному характера русского *ий*; разумеется, с психофонетической точки зрения тут речи не может быть о дифтонгическом сочетании фонем. Да и объективно, этот гласный относится к такого же рода полифтонгам, как и русское а в слове «искать» (начало гласного совсем не такое, как его конец, но для русского языкового мышления — гласный, бесспорно, един). Нет сомнения, что и краткое ш в позиции между данными согласными (q и z) тоже неоднородно, но внимание (русского наблюдателя) останавливается на полифтонгическом характере долгого ш: лишь потому, что здесь акустическое восприятие более длительно

¹ Укажу, например, следующий случай: записав у нескольких лиц (простых дехкан) слово qш:z «дочь» с долгим ш:, я — в числе контрольных опросов — обратился по поводу этого слова к одному из местных интеллигентов, который вопреки всем ожиданиям произнес не qш:z, но q^шz (или q^шz). И только «очная ставка» его с иканцами, говорившими qш:z, привела его к пояснению: «Да, в Икане говорят qш:z, но в Туркестане — q^шz» (т. е. qшz с точки зрения иканской психофонетики).

² Напомню разницу между туркменским а (напр. в baš «голова») и а: (в ba:š «язва»): при первом задняя часть языка приподнята выше, чем при а:.

(почему и заметен неоднородный его характер). И между данным ш: (в qш:z), с одной стороны, и подлинными дифтонгами других говоров (напр. в ташк. qjɲæ-məq قينەماق = قيناماق; или же в туркестанском qʃɲa-maq) есть, таким образом, громадная принципиальная (да и объективная) разница.

Равным образом вполне различны представления: иканск. i:, с одной стороны, и туркестанского ij (в jɲsæp «ты ешь», resp. ташкентского ij в kɲ-məq «одевать») — с другой; иканского u: и туркестанского uw (или ташкентского uw в سوو قوو); иканского у: и туркестанского uw (или ташкентского uw = üw в كوو).

Падение следовавшего за данным гласным согласного (главным образом r, l (l), n в закрытом слове в часто употребительных морфемах) не влияет на количество гласного: долгий остается долгим (напр. в bɑ:-na «есть-ли?» ← *ba:r-na, tʊ:t «4» — ср. як. tʊrt ← tʊ:rt; туркм. dʊ:rt), а краткий — кратким (т. е. Ersatzdehnung отсутствует): bi «один» (ср. самарк. bɪr, ташк. и туркест. bʳ), be «дай» (самарк., ташк., туркест., кыркск. андич.-кок. bɛr), (mɛn) bɛrɛmɛ, (sɛn) bɛrɛsɛ (ср. ташк., туркест. (mæn) bɛrɛmæn (sɛn) bɛrɛsæn, самарк. (mæn) bɛrɛmæn, (sæn) bɛrɛsæn и т. д.), oɬ-maq-ɕш в. oɬ-maq-ɕш (экв. самарк. bolmɛqʃi).

Также и в том случае, где мы могли бы ожидать долгого гласного на основании аналогии с киргизским процессом в киргизском attu: ← atɬɕ¹, в иканском мы находим краткий: иканск. elɬ «50» (ср. ташк. ellik/elli-, самарк. ellik и т. д.).

Однако взамен «гласного +[?]» мы имеем долгий гласный — в wa:da «обещание» (ср. ташк. wædæ, самарк. waʳda).

Обращаясь к качеству отдельных гласных фонем, нужно остановиться на фонеме ε, которой иканский говор отличается от большинства узбекских говоров (прочих диалектических групп). Этимологически иканск. ε, как мы видели, соответствует туркестанскому æ,² и в иранизованных говорах — ташкентскому, кокандскому, андижанскому, ошскому æ, самаркандскому,³ джизакскому, каршинскому ε. Для более наглядного пояснения качественных соотношений между этими говорами и гласными некоторых других языков, я разделяю гласные, занимающие промежуточную сферу между а и е на три типа: ε, æ и ε.

¹ Из *at-ɬɕ с *ɕ ← *ʃ.

² За исключением, конечно, sporadических случаев вроде иканск. kel || туркест. kel, ташк. и пр. kel || самарк. эронийск. gəl.

³ Как и в самарк. эронийском, по крайней мере, у молодого поколения.

1) К первому из них я отношу французское а (в *patte*), весьма недалекое от эстонского «а» (не «ä» = æ!), с которым у меня и была возможность непосредственно сравнивать узбекские звуки. Самаркандское а (напр. в *balä* «ребенок», *maä* «я») в общем приравнивается к эстонскому а (не «ä»), хотя и вызывает (у представителя эстонского языка) замечание: «это звук немножко более передний (чем эст. а), т. е. несколько уклоняющийся в сторону «ä» (= æ)».

2) Зато ташкентское æ¹ (как и персидское мешхедское æ = о) определено приравнивается уже к эст. «ä», но не к эст. а.

Таков же, в общем, и гласный æ в кокандско-андижанской подгруппе (где ташкентским æ о соответствуют 3 фонемы:² æ а о). Мы имеем здесь, следовательно, гласные того же типа, что и английское æ (в *man*) или татарское æ (о).

3) К третьему типу я отношу азербайджанское ε,³ оцениваемое эстонским ухом как звук средний между «ä» (= æ) и «е» (= e).

И вот сюда-то отойдет и иканский звук (ε). Повидимому, того же характера и таранчинское ε (чередующееся с i — напр. в εг «муж»/iг-i «ее муж», εl «народ» и т. д.; не смешивать ε е, чередующимся с а в at/εt-i «его лошадь»), хотя в том индивидуальном произношении (таранчинца), которое я наблюдал, ε было, кажется, несколько шире (т. е. ближе к æ), чем рассматриваемый нами здесь иканский звук (ε).

Схематизирую:

1. Азерб. (ганджинск.) ε [= «э»] иканск. ε.

таранчинск. ε.

2. Туркест. æ ташк. æ кок.-андиж. æ эст. æ [= «ä»] татарск. æ.

3. Самарк. (и каршинск. и т. д.) а франц. а [= «а» в *patte*].

эстонск. (Ревельск.) а.

О качестве прочих гласных трудно сказать что-либо сверх того, что нужно было бы говорить о вокализме всех вообще узб. неиранизованных говоров. Различные же оттенки фонем типа «ы» (иканск. и, туркест. ь

¹ Например во 2 слогe *bälæ*, *mäen* «я» и т. д.

² Как и в казак-найманском (сингармонистическом, собственно-узбекской группы); распределение фонем æ а о здесь, однако, совсем иное, чем в кок.-андиж..

³ В ганджинском говоре, напр. в *pi:zε* «копье», *εг* «муж», *εl* «народ» (ср. *εl* «рука»), *εt* «мясо». В азербайджанской латинице — ə.

и т. д.) есть гораздо более данных рассматривать не в связи с иканскими, а с каким-либо другим из не-иранизованных говоров.

Согласные фонемы [с вариациями, свойственными сингармонистическим говорам вообще; ср. сказанное по поводу туркестанского консонантизма]:

p									
	b		w				m		
t		s		š	č				
	d		z			ž	n	l [l]	r
			j						
k									
	g						ŋ [N]		
q		x							
			β						
			h						

Отличием от прочих групп служит не качественная характеристика, а главным образом распределение отдельных согласных фонем, в частности звонких d ž (в тех же случаях, что и в туркменском) на месте t č в прочих узбекских диалектах, напр., -inžī в birinžī и т. д. a:ž-εkε(n) «был голоден», a:dʃŋ «твое имя», o:duŋ «огня», o:duŋ «дрова» и т. д.

В заключение назову несколько других признаков, отличающих иканск. от прочих групп узбекских говоров:

1. Более обширная область лабиально-сингармонистических чередований, чем в туркест.: так же чередуются только узкие гласные (ш | у | і | у), но уже не только в закрытом (qoʃ-um), но и в открытом слоге (qoʃ-u, oq-u).

2. Genitiv. на -шŋ | -uŋ | -iŋ | -yŋ (югозападно-турецкая черта).

3. Dativ. на -a | -ε после m, ŋ притяжат. суффикса (как и в туркест. — см. выше).

4. Конечное č (или č ← ž) → š (см. выше: aš «открой», a:ž «голодный» и т. д.).

5. Ablativ. на -duŋ | -tuŋ | -diŋ и т. д. (как и в туркест.).

6. Ряд специфических словарных особенностей (напр. jaŋBanat «летучая мышь» и т. д.), иногда совпадающих с туркест. (čoraq «ящерица» || ташк. kæltæ-kesæk), но большей частью своеобразных.

7. Progressiv.: barajapma(n) barajapsa(n) и т. д. kelejapme(n) kelejapse(n) и т. д.

8. oʻ- (Infinit. omaq ← oʻ-maq) вместо boʻ- «быть» (югозападно-турецкая черта); впрочем, под влиянием других говоров (туркестанского), проникает и boʻ-.

В заключение приношу благодарность Комитету Узбековедения УзНКПроса за командировку, к материалам которой относятся настоящие два (I и II) выпуска «Образцов», и моему незаменимому спутнику дорогому т. Абдулхаку Султанову за всестороннюю помощь.

Сентябрь 1927

1931

N 23

№ 1

**ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК**

VII СЕРИЯ

ОТДЕЛЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

**BULLETIN DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES
DE L'UNION DES RÉPUBLIQUES SOVIÉTIQUES SOCIALISTES**

VII SÉRIE

CLASSE DES SCIENCES SOCIALES

ЛЕНИНГРАД — LENINGRAD
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОБРАЗЦЫ НЕ-ИРАНИЗОВАННЫХ (СИНГАРМОНИСТИЧЕСКИХ)
ГОВОРОВ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Е. Д. ПОЛИВАНОВА

(Представлено академиком А. Н. Самойловичем)

III. КАЗАК-НАЙМАНСКИЙ ГОВОР¹

Говор нескольких кышлаков, принадлежащих роду Казак-Найман (qazaq-naïman в местном произношении) и расположенных в непосредственной близости от г. Самарканда,² представляет для узбекской диалектологии двойкий интерес: во-первых, — как достаточно доброкачественный образец «собственно-узбекской», или так наз. «Кыпчакской» группы узбекского языка;³ во-вторых, — как говор, на котором в максимальной, может быть, степени — по сравнению с прочими «собственно-узбекскими» — сказалось влияние иранизованного диалекта в лице самаркандского говора,⁴ что находит, конечно, естественное объяснение в географическом положении казак-найманской территории.

В связи с этими обстоятельствами я и позволю себе в перечислении особенностей, характеризующих к.-н. говор, держаться следующего распорядка: сначала я назову те черты, которыми к.-н. отличается от своего

¹ Первые две части «Образцов» см. ИОГН, 1929, № 7, стр. 511 сл. Настоящая часть составлена из материалов командировки 1929 г. от Туркологического кабинета Академии Наук СССР.

² Ближайший из этих кышлаков лежит всего в 7—9 км от старого города Самарканда, а от Багишамальского квартала — всего в 4—5 км.

³ Группа эта представляет собою, повидимому, язык наиболее поздних турецких пришельцев в Среднюю Азию, — язык, наиболее близко стоящий — по сравнению с прочими узбекскими группами — к казакскому языку и относящийся вместе с последним к «северо-западной» группе турецких языков.

⁴ Являющегося, в сущности, диалектологическим антиподом к «собственно-узбекской» группе (и относящегося, как и вся «ташкентско-бухарская городская» группа, уже не к северозападной, а к ювосточной группе турецких языков).

соседа — самаркандского говора; ясно, что при этом выяснятся, по преимуществу, специфические признаки «собственно-узбекской» группы (т. е., по крайней мере, признаки, дифференцирующие «собственно-узбекскую» группу от «самаркандско-бухарской» подгруппы «ташкентско-бухарской городской» группы узбекских говоров); рядом же с ними окажется и несколько черт иного происхождения — являющихся специфическими для к.-н. диалектизмами внутри «собственно-узбекской» группы, но вполне независимых от самаркандского влияния (и не находящихся себе параллели в самаркандском говоре). И, наконец, во втором разделе будут перечислены те черты, которые будут сближать к.-н. с самаркандским — в отличие от наиболее неприкосновенных представителей «собственно-узбекской» группы (напр. кыркского и т. п. говоров); и в числе этих признаков, в свою очередь, будет отмечена черта, которую позволительно рассматривать как непосредственный результат влияния городской речи.

А. Черты, дифференцирующие к.-н. от самаркандского говора

1. В первую очередь позволю себе назвать то важнейшего порядка отличие, которое, хотя и не принадлежит к признакам данного говора как определенной языковой системы, но определяет диапазон коллективного языкового мышления носителей этого говора (в связи, разумеется, с социально-экономической их ситуацией): казак-найманцы не двуязычны, тогда как самаркандцы¹ двуязычны. Именно, большинство казак-найманцев — и те из них, в частности, кто является характерными представителями говора, т. е. беднейшая часть населения казак-найманских кышлаков, — по-таджикски или вовсе не знает или знает весьма недостаточно. Для большинства индивидуальных мышлений, при этом, не может также идти речи о дифференцированном усвоении двух узбекских говоров: своего родного (казак-найманского) и городского (самаркандского).²

¹ Имею в виду, конечно, основное мусульманское население Самарканда: таджиков и узбеков. О прочих национальных группах самаркандского населения надо говорить особо: в частности, напр., туземные евреи, в общем, скорее одноязычны, чем двуязычны, т. е. значительная часть их не знает (или плохо знает) по-узбекски. Местные «эрони», наоборот, знают эронийский и узбекский, но часто не знают или недостаточно знают таджикский язык. И, наконец, туркмены (эрсари) квартала *kolewot* являются трехязычными (не считаю, конечно, случаев знания четвертого языка — русского).

² У некоторых местных интеллигентов наблюдалось, правда, нечто вроде такого двуязычия, но и то далеко не в выдержанном виде; между прочим, наблюдалось и влияние дру-

2. Так как критерием, позволяющим квалифицировать тот или иной узб. говор как *сингармонистический*, я считаю наличие лингвально-сингармонистических чередований в суффиксах словоизменения (и, следовательно, наличие принципиального деления основ и слов на «передние» и «задние»), то к.-н. говор может считаться в полной мере удовлетворяющим понятию сингармонистического узб. говора (несмотря на почти полную ликвидацию в нём лабиально-сингармонистических чередований — см. ниже. Так из суффиксальных чередований гласных мы встречаем здесь а|æ (напр. *ot-lar* — *iš-lær*), ш|i (напр. *ot-lar-ш* — *iš-lær-i*), а спорадически также и u|y — в тех дублетных формах, где уцелевает лабиально-сингармонистическое чередование ш|u и i|y (напр. *tut-up* — *køŋ-up* при *qıŋ-ıp* — *kel-ıp* и т. п., см. пункт 17).

В связи с признаком сингармонизма стоит, разумеется, и различие в составе вокализма — по сравнению с самаркандским и вообще иранизованным вокализмом: вместо 6 самаркандских гласных фонем в к.-н. различаются все 9 фонем, типичных для вокализма сингармонистических узб. говоров: *i e æ u o ş a ɔ*; добавлением же к ним служит еще десятая гласная фонема *ə* (см. пункт 26). Таким образом, к.-н. систему гласных можно схематически представить в виде следующего перечня фонем (по принципу «треугольника гласных»):

передние	задние
i y	ш u
e ø	o
æ	a ^o

В системе консонантизма сингармонистический характер говора обнаруживается, разумеется, в наличии парных вариантов каждого согласного (за исключением, конечно, *q* — *k* и *ʒ* — *g*, считающихся уже самостоятельными фонемами), причем наиболее явное для наблюдателя различие этих вариантов (заднего и переднего) констатируется в паре *ʃ* — *l*. Замечу, впрочем, что звук *ʃ* к.-найманского говора нельзя отождествить с русским «л твёрдым», и весьма часто, особенно при быстрой фонации, русское ухо

гих «Кыпчакских» говоров, сказывавшееся в индивидуальной подстановке *a* вместо к.-н. *ə*, так что такой интеллигент не мог рассматриваться ни как представитель казак-найманского, ни как представитель самаркандского говора.

не отличает его от *l* (приравнивая, следовательно, к нашему *l* в произношении названия муз. ноты *la*). Иначе говоря, качественное отличие к.-н. *l̥* от *l* меньше (или, по крайней мере, бывает меньше), чем отличие русского *l̥* (*лз*) от *l* (в назв. ноты *la*).

Несмотря на бесспорную сингармоничность (в вышеуказанном смысле) к.-н. говора, в нем, как и в других сингармонических говорах узб. языка, имеется известное число «ломанных» слов (большей частью заимствованных): напр. *эjпак* (сам. *эjпак*) «очки», *эjпик* (сам. *эjпак*) «чайник», *пика* «свадьба» — *Dat. nika-va* «на свадьбу» (ср. манкентск. *nika:-va*), *так* (сам. *tək*) «виноградник» и пр.

3. Гласные *e* и *o* отличаются от самаркандских (ультра-узких) *e* и *o* меньшей степенью затвора: в русском восприятии к.-н. *e* и *o* оцениваются обычно именно как звуки акустических типов Э и О (в отличие от самаркандских и ташкентских звуков, весьма часто смешиваемых с рус. И и У). Тем не менее к.-н. *e* и *o* вовсе не являются «открытыми» вариантами типов Е и О (т. е. *ε* и *ο*): это — нормальные «узкие» *e* и *o* — тех же приблизительно степеней затвора, что и французские *e* и *o* (в *l'été, dé, beau, l'eau*). Убедиться в этом отличии к.-н. *e* и *o* от самаркандских я имел неоднократную возможность, заслушивая чередующиеся произношения одних и тех же слов самаркандцем и казак-найманцем (в частности — слов *el, et, on* и т. п.).

В том же смысле мы можем назвать «закрытым» или «узким» звуком и к.-н. *ø*.

4. Начальному *j* ташкентско-бухарских, Ферганских, северно-узбекских не-туркменизованных и туркменизованных говоров в к.-н. соответствует *ž*, что можно считать нормальным для «собственно-узбекских» говоров вообще: *žтап* || сам. *jətəp*, *žоq* | сам. *joq*, *žе-тəк* || сам. *je-təq*, *žузут* «виноград» и т. д. То же *ž* ← нач. *j* мы имеем здесь и в позиции перед ш (где в самаркандском нередко *j → нуль): *žip* || сам. *ip* «шнур», *žшан* || сам. *iləp* «змея», *žш* || сам. *jil*.¹ Однако в нескольких словах нач. *j* встречается и в к.-н.: *jigirtə* || сам. *jigirtə* «20», *jaxš* || сам. *jəxši*, *jə* || сам. *jə* «или», *juz* «100», *juz* «лицо».

С другой стороны, *ž* вм. не-начального *j* мы находим в к.-н. *пəžəq* || сам. *пəjəq* «рядом».

¹ Но *il* возможно в Sandhi, напр. *uč il* «3 года».

5. Фонема *f* отсутствует, заменяясь через *p*, что характерно, впрочем, и для чрезвычайно многих иранизованных говоров (но не сам.¹ и бух.): напр. эртаp || сам. эфтэb 'солнце'.

6. Равным образом отсутствует и «гамза» *ʕ* (в самаркандском заступавшая место и арабск. *ع* и арабск. *ع*); отсутствие этой фонемы опять-таки типично для большинства (массовых) узб. говоров. Напр. ʒита || сам. ʒитʕа, дублетная форма ʒутта *اچۇتتا*.

7. Конечн. *ʕ → *ц* (= *w*) — это так наз. «признак *tau*-группы» по классификации А. Н. Самойловича, на основании которого — вместе с признаком *səgʃ* (см. пункт 8) и некоторыми другими — следует относить «собственно-узбекские» говоры к северозападной группе тур. языков (вместе с казакским, татарским и пр.). Напр., тац = *taw* 'гора' || сам. тэв, қоғрац 'колокол', эвгʃ-тац 'болеть', и т. д. По аналогии к таким формам, как Imperativ. и Praeterit. (напр. от глагола *jav-тац — Praeterit. ʒацш = ʒаwш) *w* ← *ʕ переносится и в позицию перед гласными — в Praesens и т. п. формах: қғ ʒəwаш 'снег идет' || сам. қғ jəwádi; hawa² ʒəwáш 'дождь идет' || сам. jəwʃur jəwádi (ср. то же явление, напр., в касимовском татарском: ʕar ʒawa 'снег идет').

8. *səgʃ* 'желтый' (без конечного *q!*) || сам. sariq и т. п.

9. Заднеязычный носовой *ŋ* произносится без призвуха *g* (тогда как в сам. в большинстве индивидуальных говоров *ŋ^g*- и даже *ŋ^{gk}* в ауслауге).

10. *ŋ-g* → *ŋŋ*, напр. қəzаŋŋа || сам. қəzаŋ/ŋ-gа 'в котел'.

11. Личн. местоимения 1-го и 2-го л. звучат *mən sən*, но не *mæŋ *sæŋ; в сам. *mən sən*, в ташк. *mæŋ sæŋ* и т. д. (в иканском тоже широкий гласный — *mən sən*).

12. Слово 'юрта, дом' звучит *uj* (но не *øj, как в иканском) || сам. *oj*.

13. В к.-н. употребляется Locativ. на *-da* | *-dæ* | *-ta* | *-tæ*, тогда как в сам.-бухарской подгруппе вместо него используется Dativ. на *-ga* | *-ka*.

¹ Однако и в сам.-ом мы встречаем *p* из *ft* в комплексе *bir-ʒup-kiši*, 'двоем' букв. 'одна пара людей'; ср. напр. поговорку:

təʃkəŋgə bərduk uč kiši
qajtip kəlluk bir-ʒup-kiši
ʃerigimni ətə aʃrap
jərmaŋkaga qəldi qiʃlap
.....

² В к.-н. вместо ʒəwʃur ʒəwáш обычно говорят hawa ʒəwáш, т. е. 'воздух дождит'

14. Чередования $-n$ | $-d$ | $-t$ (n после гласного, d после звонкого, t после глухого согласного на конце основы) в суффиксах Gen.-Acc. $-ni$ | $-di$ | $-ti$ носит в к.-н. регулярный характер, тогда как в самаркандском наряду с формами в роде otti (к.-н. ottu), $\text{\textcircled{a}damdi}$ (к.-н. $\text{\textcircled{a}damu}$) и т. п. встречаются и, пожалуй, обладают еще большей употребительностью их «корректные», т. е. подновленные или просто заимствованные из лит. языка дублеты: $\text{\textcircled{a}tni}$ $\text{\textcircled{a}damni}$ и т. д.

15. После носовых суффикс мн. числа имеет форму $-nar$ | $-nær$: $\text{\textcircled{a}damnar}$ (сам. $\text{\textcircled{a}damlar}$), $\text{x\textcircled{a}tunnar}$ (сам. $\text{x\textcircled{a}tunnar}$), $\text{t\textcircled{a}gnar}$ (сам. $\text{t\textcircled{a}gnlar}$).

16. Суффикс Ablativi имеет форму $-nan$ | $-næn$ после носового на конце основы: $\text{\textcircled{a}damnan}$ $\text{kun\textcircled{n}æn}$ и т. д. Впрочем Abl. от причастий на $-van$ | $-qan$ | $-gæn$ | $-kæn$, употребляемый весьма часто перед послесловом $-kejin$ | $-kæjin$ ('после'), произносился во всех попавшихся мне случаях с $-d$, а не с $-n$.

17. В к.-н. наблюдается переход $u \rightarrow \text{ш}$ («ь») и $y \rightarrow i$ в тех же, в общем, условиях, как и ташкентский переход $u \rightarrow i$: напр. $\text{x\textcircled{a}tun}$ || сам. $\text{x\textcircled{a}tin}$, temir || сам. temur (ср. ташкентск. $\text{x\textcircled{a}tin}$, temir) и т. д. и т. д. — см. тексты *passim*. В связи с этим переходом и, следовательно, утратой гласных * u и * y в целой массе случаев в позициях не-первых слогов, в к.-н. естественно стала невозможной губная гармония гласных — даже в той мере, в какой она еще констатируется в известных индивидуальных говорах в самаркандском (см. Образцы иранизованных говоров узб. языка, вып. II. ДАН-В, 1928, стр. 306). Мы не только имеем здесь, следовательно, такие формы как ov-ш (ср. кыркск. ov-u , но сам. oq-i) или $\text{qo\textcircled{t}-ш}$ (кыркск. $\text{qo\textcircled{t}-u}$, но сам. qol-i) и т. п., но и ov-шм , $\text{qo\textcircled{t}-шм}$, $\text{k\textcircled{a}z-im}$, $\text{\textcircled{a}ldirdik}$ (в сам. oldurduk) и т. п.: иначе говоря, не только нет «губного притяжения» в открытых слогах, но оно исчезает здесь и в закрытых слогах.

Впрочем, указанный делабиализационный процесс ($u \rightarrow \text{ш}$, $y \rightarrow i$) нужно, строго говоря, считать не завершенным, а лишь завершающимся, дело в том, что спорадически, наряду с формами, содержащими $\text{ш} \leftarrow u$, $i \leftarrow y$, попадают и дублеты к ним (особенно в быстрой речи), где еще имеются гласные u , y : напр. $\text{ru\textcircled{t}-um}$ наряду с $\text{ru\textcircled{t}-шм}$, $\text{j\textcircled{u}w-up}$ наряду с $\text{j\textcircled{u}w-шр}$, $\text{tu\textcircled{r}-up}$ наряду с $\text{tu\textcircled{r}-шр}$ и т. д. (просмотрев мои тексты *passim*, читатель найдет в них несколько случаев этих лабиально-сингармонистиче-

ских дублетов). Таким образом, в виде пережитка, спорадические явления лабиального сингармонизма в к.-н. все-таки имеют место, т. е. гласные *u, y* непервых слогов факультативно уцелевают от перехода в *ш, i*, именно в том случае, если в первом слоге имеется губной гласный *o, u* или *ø, y*;¹ при этом данные узкие лабиализованные гласные непервых слогов (*u, y*) констатируются чаще всего именно тогда, когда ассимиляции (т. е. уподоблению узкого гласного непервого слога губному гласному предшествующего слога) способствует быстрый темп речи.

18. Несмотря на то, что к.-н. формы *Progressiv'a* (*qıŋ(a)jǎppan qıŋ(a)jǎpsan* и т. д., *kel(æ)jǎppæn kel(æ)jǎpsæn* и т. д.) по этимологии своей совпадают с самаркандскими (*qilǎpman qilǎpsan . . . kelǎpman kelǎpsan . . .*), фонетический их состав — «собственно-узбекский» (т. е. характерен и для других «собственно-узбекских» или «кыпчакских» говоров): *j* сохраняется, *p-m* в 1 лице ассимилируется в *pp*. Надо обратить внимание и на сингармонистические чередования в последнем слоге: *a* в *qıŋ(a)jǎppan*, но *æ* в *kel(æ)jǎppæn* и т. п. — несмотря на то, что в предшествующем (предпоследнем) слоге² во всех случаях будет *a*. Этот факт характерен, между прочим, в том отношении, что доказывает морфологический (а не фонетический лишь) характер сингармонизма: если бы чередование гласных *a | æ* механически зависело от характера предшествовавшего гласного, то мы во всех формах *Progressiv'a* (— от всех глаголов) имели бы . . . *jǎppan, . . . jǎpsan*.

19. В Дательном мы встречаем суффикс *-a | -æ* вместо *-ba | -gæ* — если предшествует притяжательный суффикс 1-го или 2-го л.: *ət-ŋm-a* вм. *ət-ŋm-ba* и т. д. (ср. то же явление в туркестанском говоре;³ оно типично, с другой стороны, для «собственно-узбекских» вообще). Впрочем, у молодежи эти формы уже вытеснены формами *ət-ŋm-ba* и т. п.

20. Чередования *p | b-, k | g-, q | B-* имеют в к.-н. более широкое распространение, чем в самаркандском: сюда относятся такого рода случаи как *ǰip — ǰibi* (сам. *ip-i*) 'его шнур', *tak — tag-ij* (сам. *tǎk-ij*⁶) 'твой виноградник', *oq — oB-ŋ* (сам. *oq-i*) 'его стрела'.

¹ Гласный *ø*, как исторический заместитель *a первых слогов (см. ниже), разумеется, не может иметь этого влияния (т. е. вместо *bǎg-ŋr* совершенно невозможна форма *bǎg-ur* и т. п.).

² Восходящем к стяжению деепричастия *ياتب* от глагола *يات* («лежать»), игравшего здесь роль вспомогательного глагола.

³ Не принадлежащем, конечно, к «собственно-узбекским» говорам.

21. Суффикс причастий настоящего времени — *-duʃʁan* | *digæn*, тогда как в самаркандском — *-tukən* (дублет *-tugən*).¹ Ср. тапк. *-digæn*.

22. В нескольких случаях в к.-н. мы встречаем (как и в других собственно узбекских) начальное *p* в соответствии самаркандскому *b*: *pit* ‘вошь’ (сам. *bit*), *poq* ‘говно’. Но в слове *but* ‘христ. крест’ — в к.-н. *b*, а не *p*.

23. В словах *čaj* ‘чай’, *čajnik* ‘чайник’, *čajdiš* (Pluralis *čajdišlær*) (назв. туземного самовара) — в отличие от самаркандского — произносится *a*, но не *o* (в сам. *čoj*, *čojnak*, *čojšöš*).² В этом, может быть, можно видеть непосредственное влияние русских слов чай, чайник. Во всяком случае, знакомство с данными словами к.-н. говор получил не из Самарканда.

24. Несмотря на то, что спирант *ʒ* (ж) не является чуждым к.-н. говору (как и сам.), встречаясь, в частности, в словах *wiʒʒak* (сам. *Viž-žak*) ‘скрипка’, *wiʒdan* (сам. *wiždan*) ‘совесть’³ и нек. других, мы имеем случай соответствия «к.-н. *j* || сам. *ž*», — *ajdafiär* || сам. *aždarfiö* ‘дракон, крокодил’.

25. Формация *Potentialis*’а из деепричастия наст. врем. плюс *ئالماق* (*ʔalmaq* ‘взять, брать, получать’) в к.-н. уже подверглась универбации, причем в виде нормы, т. е. в статистически-преобладающем количестве случаев, формы эти являются полностью сингармонистичными: напр. *ʒejælmæjmaæn* (1 л. Praes. Neg. Potential.), *ʒejælmægæn* (Part. Praet. Neg. Potent.) — от *ʒe-mæk*; *turaʔmajman*, *turaʔmaʁan* — от *tur-maq*; и т. п.

Само собою разумеется, что всех отличий к.-н. от самаркандского (и уж, конечно, отличий словарного порядка) здесь невозможно перечислить; во всяком случае, непосредственно из нижеприводимых текстов может быть рассмотрен ряд признаков в дополнение к вышеперечисленным.

Б. Черты, отделяющие к.-н. от других — более типичных — представителей «собственно-узбекских» или «Кыпчакской» группы (в частности, напр., от Кыркского и т. п. говоров).

26. Наличие десятой гласной фонемы — *o* (сходной с самаркандским *o*), встречающейся исключительно в первых слогах — на месте ожидаемого *a*:

¹ При чем эта форма суффикса является специфическим самаркандским отличием.

² Вторая часть слова — таджикск. *جوش*, в самарк. она осталась без изменений; в туркестанском же — *čajdöš*.

³ Слово, разумеется, редкое (книжное).

напр. *ot* 'лошадь', 'имя' — Pluralis *ot-lar*, *ʒoj* 'место' — Locativ. Pluralis *ʒoj-lar-da*; *ota* 'отец' (сам. *ota*), *qoʻl-maq* 'оставаться' — Praesens *qoʻlaman* и т. д. Примеров на это *o* ← *a* (в первых слогах) так много [см. тексты *passim*], что можно даже обобщить это явление в виде правила: почти каждое *a первого слога заменено в к.-н. через *o*. Эту подстановку (*o* ← *a*) мы встречаем, между прочим, в равной мере, и в тех даже случаях, где самаркандский имеет в данном первом слоге не *o*, но *a*: напр. *ʒoman* || сам. *jamən* 'плохой', *ʒoqin* || сам. *jaqin* 'близкий', *boʻla* || сам. *bala* 'ребенок', *noʻgʻaq* || сам. *noʻgʻoq* 'рядом', *namaz* || *namoz* 'намаз' и т. д. Правда, в известном, относительно небольшом количестве слов мы находим исключения из вышеупомянутого закона, т. е. наличие *a* в первом слоге. Таковы, в частности, слова: дублет к слову *ʒoxsh* — *jaxsh* (сам. *jaxshi*) 'хороший' (очевидно, просто под самаркандским влиянием), *hawa* (сам. тадж. и узб. *hawa*) 'воздух' [употребляется также в словосочетании *hawa ʒowadsh* 'дождь идет' вм. *ʒomʻush ʒowadsh*], *saman* (сам. *saman*) назв. лошадиной масти [но *soman* — 'солома', откуда и *soman ʒoʻsh* || сам. *soman joli* 'Млечный путь'], *taq* (сам. *tav*) 'гора', *ʃaj sajnik ʃajdiʃ* — см. выше п. 23, *ajdarfiar* (сам. *ajdarfi*) 'дракон, крокодил', *tak* (сам. *tak*) 'виноградник', *ʃas* 'волосы', *alaq* 'огонь', *xata* (сам. *xat*) 'ошибка', *atrap* (сам. *atraf*) 'окрестность', *gajhan* назв. растения, *waq* 'время' (*waqt-shm* или *waxt-shm* 'мое время'), *hamsaja* 'сосед' (но *soja* 'тень'), *axsh* 'наконечник', *argʻsh* 'тощий' (ср. *ogʻsh* 'арык'), *majram* 'праздник', *haʻsh* 'мул', *haʻak* 'гибель', *hajdamaq* 'гнать', *ʒaja* 'новый', *ʒara* (сам. *ʒaf*) и ряд других. Несмотря на возможность догадываться о мотивах отступления от нормы *o* ← *a в некоторых из этих слов, мы далеки еще от того, чтобы дать объяснение этому ряду исключений полностью.

Об обратных же исключениях, т. е. о случаях гласного *o* в не-первом слоге, наоборот, говорить почти совсем не приходится. Даже в таких прозрачных по конструкции сложных словах, как напр. *ob-bar-sh* (← *تالپ بارب*) или *oʻbastsh* (назв. мифического существа), во втором элементе сложения мы находим *a*, но не *o* — несмотря на глагольные основы *bor* и *bos* вне сложения (*bor-sh* 'пойдя', *bos-tsh* 'он подавил'). И лишь в такого рода явных новообразованиях, как копулятивное (т. е. типа Dvandva) Compositum *ota-boʻla*, вторая его часть (*boʻla*) сохраняет свое *o* (что не требует, разумеется, никаких комментариев, и только подтверждает, в сущности, вышеизложенный закон — о гласном *o* как о признаке начального

слога слова). Для полноты оговорю, однако, две встретившихся мне дублетных формы: 1) наряду с *əbbəʒɨr* в моих записях есть и дублет *əbbəʒɨr*, который был, кроме того, заслушан мною еще от одного из интеллигентных казак-найманцев; 2) наряду с обычным для к.-н. *əptawa* (назв. сосуда для воды) от одного из местных интеллигентов я записал *əptəwa* (которое затем и самым объектом наблюдения было транскрибировано узбекской латиницей в виде «*artawə*»). Но, не говоря уже о том, что второй из этих примеров заслушан от интеллигента (т. е. от сомнительного представителя говора), он, как и первый, опять-таки лишь подтверждает основное правило: народная этимология (*Volksetymologie*), без колебаний, выделяет в *ئاپتاۋا* первый элемент *əp-*, приравнивая его к персидскому (хорошо известному в узб. языке) *آب* 'вода'. Следовательно, слово создается как некое *Compositum*, и вторая часть его — *-tawa* (хотя и неясная по значению — так же, как, напр., неясен для нас элемент *-патк-а* в русском куро-патк-а), тоже рисуется данному языковому мышлению как некая особая основа, а потому и получает (вернее, может получать) внешний признак самостоятельного слова — *ə* (вм. *a*) в первом своем слоге (т. е. *əp-təwa* вм. *əptawa*).

Обращаясь к вопросу о причинах рассматриваемого явления (*ə* вм. *a* в первых слогах), естественно допустить самое простое объяснение в виде влияния иранизованного городского диалекта (ташкентско-бухарской группы). Непосредственная близость к.-н. территории к Самарканду, казалось бы, говорит за то, что черта эта заимствована именно из Самарканда. Но никаких чисто лингвистических указаний на это (т. е. на то, что источником «*ə* ← *a* первых слогов» является именно самаркандский, а не какой-нибудь другой говор ташкентско-бухарской группы) мы не имеем, а потому должны оставить этот вопрос открытым — по крайней мере до исчерпывающего обследования прочих найманских говоров (напр. кара-найманского и пр.) — когда выяснится, насколько данная черта (*ə* ← **a* первых слогов) может считаться характерной для говоров всего рода Найман.

Чем же объясняется, однако, что *ə* ← **a* (в котором мы видим, как только что было сказано, результат влияния иранизованного диалекта) ограничивается именно лишь позицией в первых слогах?

а) Во-первых, здесь надо обратить внимание на распределение фонем *ə* и *a* (respect. *ə* и *æ*, как в ташкентском) в самих иранизованных говорах (ташкентско-бухарской группы) и в частности в самаркандском.

аа) среди односложных имен слова типа *otq on bor¹ eq vaj zoj* и т. д. (т. е. с гласным *o*) бесспорно доминируют — и в самаркандском и в ташкентском (как и в прочих говорах ташкентско-бухарской группы) — над типом *maj paj* и т. п. (т. е. с гласным *a*, respect. с *æ* в ташк.). Число слов последнего типа (с *a*) оказывается настолько малозначительным, что языковое мышление найманцев могло их в данном случае просто не учитывать. А надо принять во внимание, что именно односложные слова и должны были представить преимущественную важность для фиксации внимания на их фонетическом составе (в мышлении сталкивавшихся с городским говором найманцев) — не только в силу их относительной многочисленности и элементарных (а потому и частоупотребительных) значений у многих из них, но и в силу того общего положения, что каждый из отдельных звуков, входящих в состав более краткого комплекса (слова), апперцепируется (да и осуществляется — т. е. произносится) с большей ясностью, чем звуки в составе длинных слов.

бб) В суффиксах же именного словоизменения звук *o* не встречается (как в самаркандском, так и в ташкентском) вовсе, если не считать только суффикса усилительной степени прилагательных имен — *-raq* (← обще-тур. *-*ra:q* | **-re:k*). Таким образом, суффиксальные формы от односложных основ типа *ot qon* и т. п. вполне могли служить (для найманцев, сталкивавшихся с городским говором) материалом, позволявшим сделать вывод о том, что звук *o* типичен для первого, а звук *a* (— в самаркандском), наоборот, для не-первых слогов: ср., напр., такие формы, как *Pluralis ot-lar*, *Dativ. ot-ka*, *Dativ. Pluralis ot-lar-ga* (в к.-н. — *otlar*, *otqa*, *otlarva*).

вв) В звуковом составе глагольных основ (иранизованных говоров) мы найдем аналогичные же или даже еще более благоприятные для вышеуказанного вывода (о принадлежности *o* к первым слогам) данные. Из двух типов 1) односложных и 2) двусложных глагольных основ большинство — по крайней мере, элементарных по значению и часто употребительных — глаголов принадлежит к первому типу; но именно в нем (т. е. среди односложных глаголов) почти вовсе отсутствуют основы с гласными *a* (в самаркандском). Наоборот, количество глаголов типа *ol qol bor tor jor jon jod tort* и т. д. (т. е. с гласным *o*) чрезвычайно велико. Правда, в двусложных основах преобладает тип *saqa tašla* и т. д. (т. е. с двумя *a*), но

¹ *بار* в значении 'наличие, есть, имеется' является, с точки зрения тур. морфологии, именем, а не глаголом.

в статистическом отношении основы этого состава бесспорно отступают на задний план по сравнению с односложными типа *əl qəl bər tər* и т. д.

гг) В глагольном словоизменении мы опять-таки (как и в именном) почти не встречаем суффиксов с гласным *ə*. Исключением является лишь суффикс *Infinitiv'a -mərq*,¹ да еще специфический для самаркандского суффикс *Partic. Praesentis -tukən* (или *-tugən*; в ташк. *-dugən*).

Таким образом, вся совокупность суффиксов словоизменения, как именного, так и глагольного (за вычетом лишь вышеупомянутых *-гəq*, *-mərq* и — в самаркандском — *-tukən*), способна говорить в пользу вывода о том, что из двух широких гласных (*ə* и *ɛ* — как в сам.) в не-первых слогах нормальным является гласный *ɛ*, но не *ə*.

дд) Что же касается двусложных именных основ, то в них, по крайней мере, в самаркандском говоре, и звук *ə* и звук *ɛ* одинаково могут, в общем, встречаться и в первом и во втором слоге (ибо существуют, напр., следующие типы слов: *ətə* [или *xəpə*], *bala*, *jamən* и, наконец, сравнительно редкий тип слов: *balə* [или *dawə*, *xatə*, *həwə*]. Но надо заметить, что в ташкентском, наоборот, звук *ə* гораздо более част в первом слоге, чем в самаркандском (где данному ташк. *ə* очень часто соответствует *ɛ*): ср. сам. *bala* || ташк. *bələ* [или сам. *qəgə* || ташк. *qəgə*], сам. *jamən* || ташк. *jəmən* и т. д.² Я полагаю, впрочем, что двусложные имена играли в рассматриваемом нами процессе (процессе выработки к.-н. представления о типичности *ə* в первых слогах) второстепенную или пассивную роль: достаточно было того, что звуковой состав двусложных имен (даже в самаркандском) не препятствовал тому выводу, который получался из односложных имен (и глаголов): среди двусложных имен был (в числе прочих) тип таких слов как *ətə*, *xəpə* и т. д., т. е. тип, характеризовавшийся тем же порядком гласных *ə* и *ɛ* (*ə* — в 1-м, *ɛ* — во 2-м слоге), что и суффиксации от односложных основ — напр. *ət-ka*,

¹ В котором наличие гласного *ə* вместо ожидаемого по общей норме *ɛ* объясняется фонетически тем же самым фактором, которым обусловлено и *ə* (вм. *ɛ*) в суффиксе усиленной степени *-гəq*. Условие это сводится, повидимому, к наличию заднеязычного согласного, т. е. чередования *-k | -q* на конце данного суффикса; однако, наличие конечного *-k | -q* обуславливало выбор заднего дублета (*-*maq*, *-*ga: q* → *-mərq*, *-гəq*) лишь при предшествовавшем широком гласном (**a | *æ* в до-иранизационную эпоху); ибо в самаркандском суффиксе *-lik* (как и в некоторых других аналогичных примерах, тоже с узким гласным суффикса) мы видим, наоборот, выбор переднего дублета (из чередования *-*lik | -lɛq*).

² См. формулу соответствий для слов типа **(C)aCaC*, помещенную в «Образцах иран. гов. узб. яз.», вып. 1, ДАН-В, 1928.

ət-lar или — от глаголов — qəl-gan, qəl-sa и т. п. Этого, полагаю, могло быть достаточно для того, чтобы, в связи со всем вышесказанным об односложных основах и их словоизменении, именно этот тип двусложных имен (ətа, хəпə) взят был за стандартную модель огласовки двусложных основ (почему, следовательно, мы и имеем к.-н. формы ʔəman, bəʔa и т. д.).

Это, разумеется, — при том допущении, что к.-н. подвергался влиянию иранизованного говора *самаркандского* (а не ташкентского) типа. При обратном же допущении, конечно, еще легче было бы мотивировать появление представления о типичности ə в первых слогах.¹

б) Во-вторых, можно привести следующие общие соображения: поскольку процесс подражания городской речи состоял не в заимствовании звукового состава отдельных слов, а в выработке новых норм *общего фонетического представления слова* путем обобщения беглых восприятий городской речи, постольку вопрос о выборе позиции, типичной для подстановки ə ← а мог быть, повидимому, разрешен дилеммически: новая фонема (ə) распространяется или в первом или и в первом и в прочих слогах слов. Выше было показано, почему подстановка *а → ə *должна была* быть допущена именно в первом слоге по преимуществу. Но возможно указать также и то, почему подстановка эта *не могла* быть допущенной для общего представления второго и прочих не-первых слогов: этому препятствовал принцип сингармонистических (разумеется, лингвально-сингармонистических) чередований, иначе говоря, — основной (для данной группы говоров) признак фонетического представления слова. Ведь в случае допущения *а → ə в виде нормы для вторых, допустим, слогов, должны были бы быть произведенными следующие, напр., видоизменения суффиксальных форм от односложных основ: *at-lar (т. е. к.-н. ət-lar) → *ət-lər, *at-qa (т. е. к.-н. ət-qa) → *ət-qə и т. д. Равным образом, в случае нормализации *а → ə и для третьих слогов, мы ожидали бы *ət-lər-ʔə (вм. нынешнего ət-lar-ʔa), *ədəm-ʔə (вм. нынешнего ədam-ʔa) и т. д. и т. д. Но ясно, что, поскольку говор должен был оставаться сингармонистическим и не мог, поэтому, расстаться с одним из основных сингармонистически-альтернативных представлений а | ə (напр. -lar | -lər, -ʔa | -gə и т. д.), для него только что указанные гипотетические формы (*ət-lər и т. д.) не могли

¹ Ибо, как уже было сказано, ташкентский говор в громадном ряде случаев имеет (в двусложных именах) в первом случае ə против самаркандского ʔ.

оказаться приемлемыми (разве лишь при условии полной утраты фонемы а т. е., следовательно, при спонтанеическом переходе а → о). Но кроме того — и это имеет здесь решающее значение — для замены *а → о в суффиксальных слогах не могло быть импульса в формах этих суффиксов в самих городских (ташкентско-бухарских) говорах: таких форм как *ət-lɔg, *ət-qɔ и т. п. мы вообще не найдем в ташкентско-бухарской группе, где до-иранизационному суффиксальному чередованию *а|æ, в виде общей нормы, соответствует гласный а или æ (в сам. а, в ташк. æ), но не о (за исключением лишь вышеуказанных -rɔq, -mɔq и сам. -tukɔn | -tugɔn).

Перейдем к прочим признакам, отличающим к.-н. от прочих (наиболее типичных) «собственно-узбекских».

27. К.-н. вполне усвоил фонему х, — напр. xaɫq, но не qaɫq как в казакском яз. и многих «собственно-узбекских» говорах.

28. Отсутствие дифтонгизации i в pit 'вошь', it 'собака' и т. п. (ср. кыркск. и нуратинск., напр., pi't, i't).

29. Отсутствие дифтонгизации начальных е ø: ср. кыркск. и нуратинск. i'et 'мясо', i'øt 'минуй, пройди!', i'ot 'трава' (тоже в казакском яз.), в к.-н. — et, øt, ot.

30. В к.-н. родительный падеж уже не отличается от винительного, тогда как в нуратинском, напр., это различие еще сохраняется.

ТЕКСТЫ

bɔrækændæ ʒɔBækæn ɔčækændæ tɔBækæn. bir bɔwaj bɔrækæn. bɔwajdu yč uɫw bɔrækæn. yčæwijaem otuun kyndæ terip kelædi. mehmannarBa čajdiš qajnatádu. čajnikkæ damnap čuBárdwu. mehmannar ičip | ɔɯmɯn¹ quɫwɔp kétti. mehmannar hæwɫisigæ¹ bɔɯwɔp | ɔjaɫɫarBa quručaj cuBárdwu. hæwɫisidæn bittæ nɔn čuɫxmadu. yč bɔɫa yčæwi yč ešæk tɔwɯb ɔtdu. šæ^hærdæn yčæwi otuɯndu puɫwBa nɔn-ɔldu. hæwɫisigæ (или yjigæ) kéldi. mehmannarɯnɯ æjtɪp kéldi. nɔn čuBárdwu. čaj ʒoq. hawuzdan suw čuBárdwu. suwdwu mehmannardwu ɔɫduBa qɔjdu. mehmannar suwdwu čajnigbilæn²

В дальнейшем я употребляю знак w вместо ц (hæwli- и т. д.).

Место -bilæn в к.-н. обычно -minæn (у моего объекта иногда ошибочное -minæm).

otub žygærđi. balaŋar yčawijæm mehmannađan ujaŋur¹ qočur ketti. šæ^hærdæn otun sotur čaj olđur. mehmannaŋa čaj damnab bérđi. mehmanŋar² hæwliŋigæ ketti. balaŋar mehmandikigæ ketti. hæwliŋini bilmaŋstæn ođašur ketti. bir kišnikigæ bórub oturŋan. hæwliŋini egæsi šóŋækæn. ettáminæn turur kœægæ cuqtur.³ šollarda ođašub žyrgæn. olđudan tór otŋur bœmačur yčawnijæm išlægæn.⁴ orqasudan otib išlæb bœrušta kejnidæn ekki æskær orqasudan quwŋan. bœmačurŋar yč bolanu tašlar qočqan. æskærŋær ulardur hæwliŋigæ obbarub išlætkæn. soŋra hajđap žygærđi. yčawijæm šulap ketkæn. olđudan bir kiši čuŋur hæwliŋigæ oŋketkæn. unu ulŋaru šóŋækæn. yčawnijæm ul-gub oŋan. otasu oxtarŋan. hešerdæn čuxmaŋan. ekki æskær oxtarŋan. bir-šerdæđeb eštkæn. šijergæ bórub balaŋarunu kœrgæn. balaŋarurŋa hajda ketæmiz dedi. balaŋaru ketmæjmiz degæn. kečæsi bittæsi qočur ketkæn. šolda bir kiši išlæb oŋan. hæwliŋidæ mærdikærčilig išlæp⁵ puŋ quŋdur. otasuŋa obbarur šæhærdæn un olur hæwliŋigæ obbarur non quŋamán dep xomurdu æčitib nœndu šœsap tœndurŋa piširmæj očaqa non quŋamán dep kyjdirib šejælmæj kyčykkæ bergæn. kyčyg šemæj bolasu otasuŋa berær. otasu kyjkti šegæn. otasu šegændæ-kæjin⁶ qošuxčur boŋaman degæn. bolasuŋa senæm šegin degæn. mendæj qošuxčur boŋasan degæn. ekawijæm šolŋa čuŋur ketædi, dewana bowp⁷ ketædi. hæwliŋidægi unu hæwliŋigæ bir quz kelip nonunu tœndurŋa žawub šeb ot^urádu. hæwliŋigæ otabola kelædi-quzŋa æjtædi — sen nímægæ bijergæ⁸ keldiy? bir-kšidæn

1 'Со стыдом'. ujaŋ- ← ujaŋ-. Переход ш ← ц распространяется в к.-н. иногда и на такие случаи, где в ташкентском ц сохраняется.

2 В прочих местах обычная для к.-н. форма: mehmannaŋ.

3 Наряду с cuqtur вполне возможно čuxtu (повидимому, даже более нормальное для к.-н.: ср. čuxmaŋan и т. п. формы). Относительно качества ш после шипящих (в частности, после č) про к.-н. говор можно сказать то же самое, что и про другие сингармонические говоры узб. языка.

4 išlæ вм. yšlæ (переход i ← y). Ср. прим. 3. Глагол *yšlæ- совпадает таким образом с iš-læ- 'работать'.

5 Здесь išlæp, конечно, от глагола iš-læ- 'работать' (с исконным i).

6 Вне всякого ожидания в сочетании с -kejin (или -kæjin) я встретил несколько раз форму Местного (на -da | -dæ), а не Исходного (на -dan | -dæn) падежа от причаст. прош. вр., т. е. šegændæ-kæjin вм. šegændæn-kæjin и т. п.

7 bowp из بولوب.

8 У другого объекта — bijærgæ (с æ вм. e во втором слогѣ).

soraþan bu hæwlini egæsi qajaqqa ketkæn? unna æjtædi — þoþa nonunur tondurþa piþiraþmaj¹ oþaqqa piþirip 'kyjdyrði.² oþaboþa ekæwi kyjykti þeb þoþa dewana þuþurp ketti. men kelib nonunurþu piþirip þeb oturuppan. bir kynnæn bir kyn quz oþasunukigæ³ ketti. hæwliþigæ þorub oþurdu. dewanaþardu nonunur qomasa hærkyn þorub þawub berip kelædi. oþunur tojallab bersæ þemæjdi. nonunur þejdi. þurwanur suwunur iþmædi. qoþa-nunur quz kætærib onasurþa oþbarub berdi. qozannarunur þuwub⁴ berip hæwliþigæ ketti. ettæminæm⁵ kesæ þuþurp ketþipti. hæwliþini iþidæ oturuptu. keþqurun dewanaþar keldi. þajdiþini qajnatub berdi. cajunur iþib dewanaþar ketti. quzám eþiklærini quþlap ketti. quz yjigæ þorub yþlærini þþirip oturádu. enælæri kelib yjigæ ot⁶rádu. þajunur iþib doþaþa þuþurp ketædi. quz yjigæ kelædi. yþini þþirip dewanaþar yþkiþi bowp kelædi. þorasu ketædi. oþqasudan buþaram⁶ quzþa yþi þþirip oturþan deþdi. bizær⁷ qajþup kelæmiz deþdi. b'r keþæ yþæ þotámur deþdi. ettæminæm [sic!] þæ^hærgæ þajdu iþmæþæn ketæmiz deþdi. þæhærgæ þorub non oþádu. b'r keþæ keþ qoþádu. þoþda þotádu. þotqan waxtuda yþtigæ ekita orus kelædi. ekki orus æjtædi — qajaqtan kelæþapsæn deþdi. þæhærdæn kelæþappæn deþdi. þoþda þottum deþdi. ettæminæn turup tørtæwi þoþa þuþádu. yjigæ þorajattan waxtu oþduwan quz qoþub þorajaptú. tørtæwi mækkæm iþlæþ⁸ oþdirgæn. oþigini tørtæwi kætærib yjigæ oþkelib dewanaþar qozanna torap soþdu. qozan tægigæ⁹ aþaw¹⁰ þoþqan. piþirip bir keþæ piþirip ettæminæmgæ dæwir damnap qoþdu. ettæminæn quzdu enæsi kegæn dewanaþarþa «meni quzum qonur» deþdi. kimdi qonur? degæn. uþar æjtkæn — bilmeþmiz dedí. enæsi æjtkæn — meni quzum qonur degæn. bilmeþmiz degæn. hæwliþigæ ketywði degæn. hæwliþidæn ketkændæn kegæn þoþ. enæsi þuþlap hæwliþigæ

¹ Продиктовано было именно piþiraþmaj. Но нормальными формами следует считать piþirælmæj и piþiræmmæj.

² В суффиксе -þyr- здесь, как и в ряде других случаев, наблюдалось сохранение у.

³ Окончание -kigæ (с передними гласными и согласными) несмотря на заднюю основу

⁴ 'Вымыв', из *juwub.

⁵ Но обычно -minæn.

⁶ Из قز همد. Ср. выше quzam из قز همد.

⁷ Вм. biz-lær 'мы' (в форме мн. числа).

⁸ Вм. yþlæp.

⁹ Или qozandur tægigæ.

¹⁰ У двоих других объектов заслушано oþaw.

bórdw. erigæ æjtíp kegæni žòB-dedí. eri otlanub oxtárdw. ołdwdan bir bəla ołdwdan čuxtu. u quz bir dewananw yjini špirib žyræmídi [у всех остальных объектов žyræmídi]. uŋga «há»-degæn. šunw yjini køríŋ degæn. bərub yjyni¹ køríp héč-kim žòq. yjidæ pəjłab žətqan. bəjnaBw dewanałar kėldi. quzdw otasw mækkæm išlédi.² onasw kėldi. tørtæwi dewanałar quzdw onaswminæŋ (или enæsi minæn) otasw dewanałardw mækkæm qustw. meni quzwmdu təwub-bér dedí. men quzwuŋdw qajerdæn təwub-berəj dedí. hæwłisigæ ketkændæn kèmadí degæn. quzdw otasw turub æjtkæn men otlanub žołBa oxtarmaqqa čwBwub bərajatúwdúm. ołdwmndan bir bəla čuxtu. unnan [или bəładan] sorab ołdum «bir quz kərdíŋ-mæ?» degæn «ha· kərdím» degæn. menæm degæn «dewanała šetim žerywdim» degæmmæn. kyndyz kyni dewana øldirmækkėn qočwup kėttim degæn. u quzwuŋmz dewanałar sojwup qozawga pširib ettæminæm gøšini žėdi. bir əla kyčygini əBwłBa bæjłæp qəjaptú. ołdumw bərsaŋmz oxurda quzwuŋuzdw ekki qołw əjaBw turwptw. dewanałar ołduła «mən³ quzwumdu qołw» deb dewanałardw bəšwłBa úrdw. ekki dewana «bizær bəšwumuzłBa nímægæ urasán?» degæn. «meni quzwumdu təwub-ber» degæn. «quzwuŋdw bizær kərgænimiz žoq». tørtæwi yjyni ołduda tewalašwup qołdw. ułar quzdw enæsiminæm otasw qočwup kėtti. kečæsigæ dewanałardw øldirmækkæ kėldi. kesæ yjidæ⁴ hečkim žoq. hæwłisigæ ketib bərajatqanda žołumw ystidæ kəpirini əstuda dewanałar pəjłab žətqan. dewanałar turub ekæwini bir pūčaq urmastan ułar dewananw ekki pūčaq urdu. dewanałar taq [sic! вместо та] pūčəBumw tawBunča ułar bir pūčəBminæm tər pūčəB urdu. dewanałar øldi. øligini kəttæ əruwqqa əBwuzub žygærđi dewanałardw hæwłisini bir kišigæ sóttw. pułumw øzi ołdw. pułwłBa šæhærdæn qoj əlamán dep šæhærgæ kėtti. qušłəBumw ədamnarumw čaquwup kėldi. qojumw sojwub ədamnarwłBa žegizib žygærđi. hæwłisidæ bemałəł žəttw. əxurw.

¹ В данном случае было сказано yjyni, несмотря на наличие более нормального дублета yjini. См выше пункт 17.

² Другой присутствовавший при рассказе молодой казак-найманец переспросил: «yšłódi?» (о во втором слогe — конечно, неправильная подделка под письменный язык и под городскую фонетику). Вообще употребление глаг. основы išlæ вм. yšlæ- в особенности типично именно для индивидуального говора рассказчика (у которого, следовательно, *yšlæ- совпадает в звуковом отношении с iš-]æ- 'работать').

³ Вм. ədə 'вог'.

⁴ Допустимо встретить и yjydæ.

bərækændæ žoʙækæn əçækændæ toʙækæn bir čol kæmpir bórækan. čol kæmpirdi ekki ulu bórækan. bittæsi otum termækkæ kέtti. bittæsi mól žuʙdurmaqqa ketti. bittæsi bərub buzawnu žetælædi. soʙa suwarup soʙa bæjlædi. soʙa bæjlæb ot¹ tæjlædi. soʙra hæmæsi birgæ bowb ojuŋŋa² kέtti. ojuŋnan hæwliŋigæ kepturub əwqat žedi. ətasu «mollardu čuʙarmaj qajaq kettij?» dedi. ular æjtkæn — ojuŋŋa kettik. soʙra yčæwnijæm urdu.³ yčæwjæm bir bowp qəčup kέtti. soʙra mollardumu əzlæri soʙadan čuʙarʙan. otlanub yč boʙasumu əxtarup ketkæn. šæhærgæ bərub žorču qučurʙan. žolda bir kiši kelæjatkæn. u æjtkænki soraʙan «bir boʙanu kərdijizmi?» — yč boʙanu bir žojda kərdim. soʙra qajerdæ deb æjtkæn. soʙra əzini hæwliŋidæ bir əʙul...⁴ šu əʙuldu ičidæ yč boʙa bər. unu əʙulumu kərdi. yčæwijæm əʙulda kirib oturuptu. soʙra ulardu čuʙarʙan. soraʙan ədamda — meni yč boʙamdu əʙulʙa qəməb žotqan. šu bæčælærdi ətasudan puʙ əʙan. unnan/ŋ- kejin bæčælærdi hæwliŋigæ əpketti. hæwliŋigæ əbbərub zujara⁵ yč boʙanu qənnumu⁶ əwqatqa tojdu. mollardu kepturub yčæwi yč maldu qoʙʙa əldu. boʙdajlardu uwatʙa⁷ utladu.⁸ jana mollardu pešin⁹ soʙa bæjlædi. jana mollardumu soʙa bæjlæb ətasudan dašumup¹⁰ qəčqan. jana mollardu əlduʙa kelsæ unnan kejin boʙalardu yčæwijæm žoq.¹¹ ərqasudan əxtarup ketkæn. əldudan bir tyjæči čuqqan. tyjæčidæn soraʙan.¹² tyjæčini əldudan yč boʙa čuqtu. ətasu ketibirgæn¹³ əxtarup. əldudan bittæ ešæyli¹⁴ čuqqan.

1 Под словом Ot здесь имеется в виду 'клевер': привязав в тени, дал ему в корм клевера.

2 Из *ojun-ʙa — дат. пад. от *تويون* 'игра'.

3 urdu произнесено было с характерной для узб. языка «мелодией сказуемости» в последнем слове.

4 'Хлев'.

5 'Угощение'.

6 'Их желудки' (вин. п.) — из *qarn-ш-ни.

7 uwat 'межа' (экв. сам.-таджикского čel).

8 Другой из присутствовавших при рассказе казак-найманцев поправил: utlattu вм. utladu.

9 'В обед, в полдень'.

10 'Тайно, секретно'.

11 žoq было произнесено с «мелодией сказуемости».

12 Подразумевается ətasu.

13 При повторении фразы ketibirgæn было заменено через ketæjaptu.

14 γ (в ešæyli) комбинаторный (и даже комбинаторно-факультативный) вариант фонемы g.

ešæγlidæn soraβan «yč bōlanu kōrdinjizmi?» — kōrdim degæn. žumaβa yč bōla ketib/wirgæn (или ketæjaptu). otunuu čōβdurβan. əɫustan kōzigæ kōrilgæn. žetib əβan. yčæwinijæm žōlda b'ɪr kečæ žotqan. ettæminæn žajudan tursa otasw žajudan tursa bōlaβaru žoq. qəčwɪp ketkæn. jana otlanub žōlβa čuqqan. əxtarub əxtarub žōlβa čuqqan. wjaxtu bujaxtu¹ əxtarub kōrgæn. hež:oq. žōldan kelæjatkændæ əɫdudan bittæ bōla čuqqan. unnan soraβan puβa ketywdim degæn. ækælæriŋ qajaqqa ketkæn — bilmæjmæn. bir bōlaswɪw ɔrkegæn.

Отдельные фразы и выражения: qoɫw əwrujɔdɪw. čaj ičkim kēldi. čaj bōr, ɔrkelæmæn. qant žoq. xapa bōɫmaŋ. xəzɪw æjtæmiz. əɫus, ettæ kesin ('далеко, пусть он завтра придет'). daɾw 'опиум' (сам. dərɪ, ташк. dərɪ). gæštæk 'посиделки' (ташк. gæp). Названия фруктов: ənar, əɫma, bifi, anšɪw (множ. ч. anšɪwɫar), šoptaɫw. qajraβač (назв. дерева). žumaɫaq 'круглый'. bōšqa bilmæjmæn. bir bōla bōr, mætæɫ kōb bilædi.

bir kiši bir kišigæ æjtkæn: əsman rawaβ rawaq, gø-xordam təwax-təwax.

bōšqa bōla pærgænži žaɟa žara pærgænži. pitaédi, žəzádɪw ('пишет').

Надо заметить, что для облегчения транскрипции я в большинстве случаев оставлял без обозначения оглушение узких гласных в неударенном (главным образом, в первом) слоге, между глухими согласными — напр. в kiši и т. п.

Остальной материал по к.-н. говору (в том числе «Генеалогия рода Найман») я предполагаю включить в «Диалектологическую хрестоматию» и «Диалектологический словарь» узбекского языка.

¹ Вместо ئۇ ياقىنى بۇ ياقىنى 'туда-сюда'.